
Право на
завтрашний
день

Валерий Савицкий

Право на завтрашний день

«Автор»
2026

Савицкий В. С.

Право на завтрашний день / В. С. Савицкий — «Автор», 2026

В городе, к которому подступает весенняя вода, человеческая жизнь легко умещается в строку расходной книги. Достаточно перенести чужую подпись с разрешения на лечение на бланк городской службы — и выздоравливающий маг уже стоит у затвора, отдавая остатки своего будущего за право не остаться в долгу.Всё начинается с одного письма, принесённого в архив сестрой погибшего. Шаг за шагом Элиана Вель, Матвей Корин, следователь Рута Вейр и охотник Торен распутывают клубок подменённых ведомостей, исчезнувших пациентов и старых преступлений на северной дороге. Но чем ближе развязка, тем сложнее отличить спасение от принуждения, а порядок — от равнодушия.«Право на завтрашний день» — третья книга цикла «Веер обречённых»: мрачное детективное фэнтези о цене дара, ответственности за сделанный выбор и тихом упрямстве людей, которые отказываются стать всего лишь номером в описи.

© Савицкий В. С., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 6
Глава 2 13
Глава 3 20
Глава 4 27
Глава 5 33
Глава 6 39
Конец ознакомительного фрагмента. 44

Валерий Савицкий
Право на завтрашний день

Право на завтрашний день
Веер обречённых

Книга третья

Глава 1
Письмо с другого берега

Элиана

В день, когда пришло письмо Миры, я учила архивного ученика отличать запрос от жалобы. Он уверенно раскладывал листы по корзинам, пока не добрался до трёх погибших овец. Их владелец требовал копию распоряжения о вырубке деревьев: овцы сорвались в канаву через пролом в ограде, а пролома не было бы, исполни лесничий распоряжение вовремя, пока дерево ещё стояло.

— Жалоба, — сказал ученик.

— А что нам нужно сделать?

— Найти лесничего?

— Выдать копию.

Он переложил письмо в соседнюю корзину, но руки не убрал.

— А про овец зачем?

— Чтобы мы поняли, почему ему нужна копия.

— Мы и так обязаны выдать.

Я собиралась согласиться. Потом взглянула на адрес. От деревни до города было два дня дороги, а на обороте человек просил ответить до воскресенья.

— Спроси, когда идёт ближайший обоз. Может, успеем с ним.

Ученик отнёс лист к окну, где ещё можно было писать без лампы. Я нагнулась за ящиком с описями. В эту минуту в комнату вошёл мальчик из привратницкой. Письмо он нёс двумя пальцами. Левый край конверта промок и прилип к вложенному листу.

— Вас ждут внизу. Женщина сказала, что письмо для вас лично. Если надо прочесть, прежде чем спуститесь, она подождёт.

На конверте стояло моё имя. Под ним узнаваемой рукой Дарены Кест были приписаны две строки. Письмо передали с ровенского берега. Отправительница сама хочет встретиться. Больше Кест ничего за неё не обещала.

Я увидела на отвороте дату. Прошло шесть недель с того дня, когда над переправой у Белого Порога подняли знамя. С тех пор река успела подмёрзнуть ещё раз и вскрыться у дальних свай. Позавчера на заставу привезли распоряжение пускать возы с верхней дороги по одному. Я знала это потому, что Матвей собирался приехать по ней в воскресенье и на всякий случай прислал расписание двух обозов. Мне хотелось ответить, что можно просто прийти, когда сможет. Вместо этого я написала, что буду рада его видеть, и положила записку рядом с ключами, чтобы не забыть отправить.

— Она давно там?

— С тех пор, как хлеб принесли. Ей предложили на кухне посидеть. Она сказала, что сыта.

Хлеб возили к открытию. Было уже за полдень.

Я попросила принести в малую читальню горячей воды и спустилась. Женщина у двери заснула сидя, уронив голову на грудь. Услышав своё имя, она вскочила; я едва успела отступить с тростью, а она уже извинялась, словно её могли выставить за эту короткую дремоту.

— Я не спала. Только глаза закрыла.

Пальто оттягивало ей одно плечо. Поднимаясь за мной по лестнице, она придерживала тяжёлый карман и всякий раз, когда я останавливалась передохнуть, тоже останавливалась, хотя дыхание у неё было ровное.

В читальне женщина взяла чашку обеими руками. Горячая вода дрожала у самого края.

— Я Мира. Мне сказали, вы можете прочесть при мне.

— Давайте прочту.

— Только вслух. Я дома читала — там всё понятно было. А теперь не знаю.

На верхней странице был адрес, на нижней четыре строки.

Мой брат Ярек просил забрать его домой. Я слышала это сама. На следующий день мне сказали, что он умер. Я хочу знать, как это случилось.

Последнее предложение Мира переписала поверх зачёркнутого. Я прочла только то, что она оставила.

— Тут ещё было про окно, — сказала она. — Я вычеркнула. Подумала, человек прочтёт и сразу спросит, отчего я разговаривала через окно. А я тогда сама не знала.

Она отпила и поставила чашку на край салфетки. Пальцы у неё были в мелких трещинах, с белыми полосами мыла у ногтей. На подоконнике за её спиной неровно лежал снег. Днём с крыши упала целая глыба и заслонила половину стекла. По наружной стороне сочилась вода.

— Отчего через окно? — спросила она наконец сама.

Я ждала продолжения, пока не поняла: она спрашивает меня. Будто я могла объяснить, почему её к брату не пустили.

— Где это было?

— В Ольхове. Там лечебница над нижними воротами, знаете? Мне дощечку дали — двадцать третью. Сиди, жди. С утра сидела! Под вечер говорят: спит, до завтра проспит. Ну я пошла вокруг. Хоть посмотрю, где он… Там дорожка, метла ещё поперёк. Чуть не упала. Мужчина с ведром показал окно. «Стучите, если не боитесь», — говорит. Чего мне было бояться?

— Как звали мужчину?

— Не знаю. У него рукав был мокрый до самого плеча. Я думала, если меня прогонят, ему тоже достанется, и подождала, пока уйдёт.

Она замолчала, и я услышала, как за стеной архивистка диктует номер следующего дела.

— Постучала, а он сразу подошёл. Видел меня во дворе, оказывается. Звал. — Мира потёрла лоб. — Я спиной сидела. Всё утро у него под окном, спиной.

Мира оглянулась на приоткрытую дверь. Я закрыла её и вернулась за стол. Она уже вынула из внутреннего кармана сложенный вчетверо лист и плоскую оловянную коробку.

— Я ему сказала, что утром найму место в обозе. Он попросил сейчас. Всё повторял, что у него есть сапоги. Я спросила, где верхняя одежда. У нас дома он ни за что не выйдет без шапки, даже за поленом. А тут сказал, что можно бросить. Я предложила пойти наверх к дежурному, чтобы нас выпустили вместе. Он сказал, через дверь его опять поведут в палату. Тогда я попыталась открыть окно.

— Снаружи?

— Там было за что ухватиться. Я потянула, он поднял задвижку. Открылось на ладонь. Дальше поперечина. Я могла просунуть ему пальцы. Он держал меня, пока в коридоре не позвали ужинать.

Она положила руки плашмя на стол. На большом пальце правой руки ноготь был обломан почти до середины.

— Я ему: сейчас дежурного найду, подожди. И ушла. — Она посмотрела на свои руки. — Он сам окно прикрыл, чтобы не заметили. Мне помогал, понимаете? А я ушла.

— К кому вы пошли?

— В ту комнату, где выдают дощечки. Там уже никого не было. На кухне мне сказали, что дежурный вышел с лекарем. Они ждали их после вечерней смены. Я осталась у двери. Часов у меня нет, но мне два раза предлагали погреться, прежде чем закрыли наружную калитку. Я жила у женщины, которая сдаёт угол над пекарней. Она думала, я приду с братом, и принесла второй тюфяк. Утром я была там до открытия. Мне снова дали дощечку. На этот раз пятую.

Мира придвинула ко мне сложенный лист. На нём стояли дата, печать лечебного дома и её адрес. Текст занимал треть страницы.

— Вам вручили это прямо там?

— Внизу у стола. Дежурный сначала предложил прочесть вслух. Потом из-за перегородки сказали, что другим ждать, и он просто показал пальцем, где написано. Я прочла только слово «погиб». Остальное уже на постоялом дворе.

В извещении значилось, что пациент Ярек, принятый по переводу, погиб при исполнении добровольно принятой обязанности. Родным разрешалось забрать личные вещи в часы выдачи. Причина смерти, место погребения и имя врача отсутствовали. Внизу, после слов о вещах, кто-то от руки вписал номер. Последняя цифра заходила на край печати. Я переписала номер в блокнот и повернула страницу к Мире. Она сверила сначала цифры, потом дату.

— Что за обязанность? — спросила она. — В бумаге было написано про лечение. Ему до того плохо было, что он чашку через стол двумя руками передвигал. У нас кровать у окна, а стол далеко. Он сам просил поставить чашку у стены, чтобы не разлить.

— Где вам дали бумагу на лечение?

— Дома. В посёлке. Сказали, найдётся место, если я подпишу за него, пока он от жара ничего не понимает. Я спросила, надо ли платить. Ответили, узнаю после осмотра. Когда я приехала в лечебницу, мне показали лист с моей подписью. По нему он будто бы вставал на службу. Там и приписка моя была, про порошок. Я им говорю, зачем бы я писала про порошок на бумаге для городской службы? Мне ответили, что туда всё из первой записи переносят, чтобы не потерялось.

— Это было до разговора у окна?

— Да, в тот же. Первый-то раз его вовсе не показали: устал с дороги, пусть спит. Я больше месяца собирала, чтобы снова доехать. Думала, хоть теперь… А мне мою подпись под нос. И опять во двор.

В оловянной коробке лежали крючки от пальто, роговая пуговица и узкая полоска бумаги, свёрнутая номером наружу. Мира не сумела поддеть её сломанным ногтем и сердито вытряхнула всё на салфетку. Пуговица покатилась по столу; она поймала её так резко, что я вздрогнула.

— Корешок, — сказала она. — В конторе, где я подписывала, его отрезали и велели держать, пока не выяснят про плату. С той поры ношу здесь.

На корешке сохранились номер заявления, день приёма и название бланка. Разрешение на лечение до того срока, когда пациент сможет подтвердить его сам. Под ним шла обратная ссылка на книгу посёлка. По ней можно было поднять запись о приёме заявления и узнать, кто его составлял.

— Вам приходило извещение о продлении лечения?

— Нет. Только это. — Мира накрыла корешок ладонью. — Вы его заберёте?

— Перепишу номер. По нему можно найти запись в посёлке.

— А то там тоже говорили: оставьте, потом получите. Не оставлю.

— Он останется у вас.

Она не убрала руку, лишь приподняла пальцы, чтобы я видела буквы.

Обозначение книги заканчивалось двумя буквами. Над последней стояла точка, чуть смещённая к краю. Я перенесла и её. Ровенские формы возили к нам через границу вместе с книгами для торговли, но бланки лечебных домов печатали в нескольких местах. Одно и то же обозначение могло перейти с одного листа на другой и забыть, откуда взялось. Я спросила Миру, была ли на той странице, которую она подписала, печать фонда.

— Я не видела печати. Стол к окну поставили, а я стояла боком. У меня в руке было лекарство, которое дали дома.

— Какое?

— Порошок от жара. Врач его в три свёртка разложил. Ярек первый уже выпил, а второй давать было нельзя до вечера. Человек за столом взял оставшиеся свёртки, хотел все три записать. Я сказала, у меня только два. Сказал, чтобы я сама написала, когда давать. Дал перо.

Мира провела пальцем по кончику корешка. Я спросила, помнит ли она, где на листе оставила приписку. Она показала на чистой бумаге. Справа, выше подписи, бланк загибался к лампе. Если прижать угол пальцем, там оставалось место для строки. Она прижала. Перо соскочило один раз, и ей пришлось писать вторую половину слова мельче.

— А что вы написали?

— «Уже пил утром. Второй после сумерек». Потом спросила, надо ли ещё написать, что ему от воды делается дурно. Человек сказал, что про воду я могу рассказать там, когда приедем. Я так и думала, что поеду с ним.

— Вас не взяли в воз?

— До станции шла рядом. Там его на другую лавку переложили, под бока мешки сунули, чтоб на ухабах не съезжал. А мне нашу лавку отдают: несите домой. Я говорю, соседская она. «Ну, соседу и несите». — Мира коротко, невесело усмехнулась. — С лавкой-то всё им было ясно.

— Кто дал вам корешок?

— Писарь. Уже на станции. Он отрезал от моего листа и проставил число. Я показала приписку. Он сказал, порошок пересчитают в лечебнице.

— На корешке вы тогда прочли про лечение?

— У дома. Пока несла лавку, в руках ничего больше не держала. Сосед взял свой край и сказал, что отвезёт обратно, если надо. Я посмотрела, что написано, и решила, на ночь меня всё равно туда не пустят. Потом надо было заработать на дорогу. Кто знает, если бы я в тот день пошла назад, может, и пустили бы.

— Вы ведь тоже это думаете? — спросила Мира.

Я не сразу поняла, к чему она вернулась.

— Что мне надо было идти за возом. Не домой с лавкой, а за ним.

— Нет.

— Все думают. Сестра говорит: ты бы сразу к начальству. Будто я знала, кто там начальство. Один в чистом ходит, другой в грязном, а не пускают оба.

Она говорила всё быстрее. До сих пор события у неё стояли в порядке поездок, как будто этот порядок помогал удержаться. Теперь возвращались разом: станция, соседская лавка, первая ночь, когда она решила не идти обратно. Я попробовала спросить, кто встретил её на следующей станции, и она даже не услышала.

— Я ему рубаху оставила на спинке. Прежде чем увезли. Думала: вернётся, наденет. Потом перестирала, чтобы пыль не села. Потом опять перестирала. А когда вернулась без него, сестра велела убрать.

Мира закрыла рот ладонью. Я ждала, что она заплачет, но слёз не было.

— Убрали? — спросила я.

— Нет. Как лежала, так и лежит. Другая. Не та, что они отдали.

Я поняла, что мои записи уже сделали то же, что извещение: возле имени остались лечение, перевод и смерть. В её доме лежала рубаха для возвращения, а я спрашивала, кто поставил число. Число было нужно. Отказаться от него значило снова отправить её домой без ответа. Но продолжать вопросы тем же голосом я не могла.

— Расскажите мне о нём, — сказала я.

Мира нахмурилась.

— Я и рассказываю.

— Каким он был дома. До того как заболел.

— Обыкновенным. Каким ещё?

Она некоторое время смотрела в окно. На стекле засох потёк, и я вдруг захотела, чтобы его вытерли до её прихода. Нелепое желание: исправить хоть что-нибудь, пока она сидит напротив.

— Всё переделывал, — сказала Мира наконец. — Я поставлю, он переставит. Потом ищем оба. Мне говорит: у тебя нигде порядка нет. А сам нужное всегда на самое видное место суёт, где его как раз никто не видит.

Она усмехнулась. Совсем иначе, чем про лавку.

— Когда первый раз уехала к сестре, он три дня ел из котелка. Ложку свою потерял, взял большую. Сосед потом сказал. А мне написал: всё прибрано. Вернулась — котелок отмачивается, и он вокруг ходит, будто всегда так и надо.

Я спросила, сохранилось ли письмо. Она напряглась.

— Вам ещё и это нужно?

— Нет. Просто спросила.

— Сохранилось. Только я не принесу.

Мне пришлось кивнуть. Я слишком привыкла, что всякий названный лист можно включить в поиск, снять копию, положить к остальным. Она услышала это раньше, чем я сама.

— Он не всегда хороший был, — сказала Мира. — Сердился. Упрямился так, что хоть из дома выходи. Сестра теперь говорит, какой тихий человек. Да когда он тихий-то был? Последний месяц только.

Она умолкла. Я больше не подбирала вопроса. Из читальни донёсся смех, и кто-то тут же попросил говорить тише. В этой комнате мне вдруг стало обидно за Ярека, которого я никогда не видела: и тишину после болезни уже готовы были записать ему в характер.

— Если там спросят, скажите, что домой просил, — произнесла Мира. — Не потому, что у нас всё ладно было. Просто домой.

— Скажу.

Она некоторое время не двигалась, потом сама придвинула корешок к моей стороне стола. Ладонь с него не сняла. Я вернулась к записи приписки про лекарство, теперь уже понимая, почему для неё так важно каждое слово, которое ещё принадлежало брату.

Под ладонью Миры был только узкий корешок. Чтобы понять, куда попали её слова о лекарстве, надо было увидеть бланк целиком. Я спросила, хочет ли она посмотреть такой же. В архиве могли найти пустой экземпляр. На нём она бы отметила, где подписывала и где писала про лекарство, пока подпись ещё помнит рука.

Ученик принёс переплёт с образцами за нужный год. Том не помещался на столе; мы раскрыли его поперёк, подперев дальний конец стулом.

— Тут буква с точкой в двух местах, — сказал ученик.

Он раскрыл первую страницу. Перед нами была форма разрешения на лечение. Под основной строкой оставили поле для особых указаний, самое широкое справа. Мира узнала край графы и слово, стоявшее над подписью. Потом ученик показал вторую страницу. Там было разрешение на перевозку вещей для лечебного дома. Верхняя половина начиналась с адреса, а внизу просили указать, кому платить, если перевозчик меняется по дороге. Мира прочла оба заголовка вслух и попросила вернуться к первому.

— Вот здесь я написала про порошок.

— На листе в Ольхове приписка стояла там же?

Мира долго разглядывала границу графы, прежде чем ответить.

— Там начиналось выше. Я видела, потому что строчка про порошок от верхнего текста далеко. Даже спросила про белое место. Ответили, так оставляют для отметки.

Я попросила ученика найти, когда выдали именно этот образец. В перечне он шёл после замены старых форм. Письмо о замене отправили в посёлки, но запрета пользоваться прежними до исчерпания не было. На полях кто-то написал, что корешки всё равно считают по

старой книге. Мы могли приложить образец к запросу. Чтобы узнать, какой лист использовали в тот день, нужен был ответ из посёлка. Я не хотела, чтобы в Ольхове потом сказали, будто Мира согласилась с моими догадками о бланке за один час в читальне. С разрешения Миры я записала её собственные слова о месте приписки.

Ученик собрался унести книгу и спросил, оставить ли раскрытой на первой форме. Мира попросила сперва показать ей оборот. На обороте шёл порядок выдачи корешка. Если возле подписи были сведения для лекаря, страницу следовало передать тому, кто принимает больного. Если больного везли через станцию, корешок оставался у семьи. Мира прочла и повернулась ко мне.

— Значит, на станции мне его правильно дали?

— Похоже, правильно. И правильно было сохранить.

Я дала Мире прочесть запись. Она сразу нашла пропуск.

— Про воду нет.

— Я записала про порошок…

— А про воду я тоже говорила. Ему чуть тёплую надо было. Из глубокой чашки, понемногу. Он мог сам, если рядом поставить.

— Добавлю.

Ученик ушёл за бумагой для копии. Мира смотрела ему вслед, пока шаги не затихли.

За стеной ученик задвинул ящик и позвал кого-то к окну. Под дверь тянуло холодом. Я хотела сходить за кипятком, но Мира снова заговорила.

— Мне отдали его вещи. Рубаху и ремень. Сапог не было. Они сказали, что сапоги ему выдали, а я помню, как пришивала петлю к голенищу. Он ставил ногу на табурет и помогал тянуть, потому что кожа толстая. На одной петле узел остался внутри. Он нарочно хотел, чтобы снаружи было гладко.

— Вы просили выдать сапоги?

— Спросила. Человек у стола сказал, что если они из дома, надо было сразу записать при приёме. А Ярек утром, когда его увозили, сам их надел. Я навела в них блеск. Думала, так ему будет приятнее проснуться.

Я спросила, где она остановилась. У двоюродной сестры за соляным рядом — та ждала её ещё к обеду. От архива туда ходил верхний извозчик; я объяснила, где он останавливается, но Мира словно не слышала.

— Кто-нибудь посмотрит, даже если я из другого королевства?

Я могла назвать ей порядок, согласованный в Белом Пороге. Могла сказать, что после смерти человека он действует иначе и что жалоба о принуждении потребует одних бумаг, а запрос о погребении — других. Передо мной сидела женщина, которая уже однажды дожидалась конца смены у закрытой комнаты.

— Я попрошу Руту Вейр посмотреть, кто принимал извещение о смерти. Ей понадобятся ваши слова. Что вы хотите спросить у неё первым делом?

Ответить сразу она не смогла.

— Кто отправил его на пост. И куда мне идти, когда захочу побыть с ним.

Письмо Мира оставила мне, а извещение дождалась переписать и забрала вместе с корешком. Ученик заверил копию. Когда он сказал «готово», она ещё некоторое время сидела, не понимая, что теперь можно идти.

Уже на лестнице она остановилась. Пальто с коробкой оттягивало ей плечо.

— Вы сказали, когда я захочу?

Я не помнила, что именно сказала. Кажется, я только записала её слова.

— Да, — ответила я.

— Я хочу уже сейчас. Вы так и напишите.

Под навесом извозчик назвал цену до соляного ряда. Мира начала торговаться, сбилась и полезла за деньгами. Женщина с корзинами подвинулась, предложила разделить плату; они уехали вместе. Я осталась у ступеней, хотя повозку уже заслонила лавка и смотреть было не на что.

Когда я вернулась наверх, ученик ставил последнюю корзину писем у двери для почтальона. Он успел найти распоряжение про деревья и теперь носил свёрток под мышкой, чтобы не перепутать с бумагами на следующую неделю. Он спросил, успеваю ли я что-нибудь отправить. Я вынула из кармана записку Матвею. Она была сложена накануне и всё это время оставалась со мной.

— Две, — сказала я. — Эту вечером по обычному адресу. За второй пришлют от Руты.

Письмо Матвею не требовало приложения. К обращению Миры я добавила её нынешний адрес и отнесла всё Севель, старшей архивистке. Та разбирала три обратных извещения из Белого Порога.

— Нашли кого-нибудь? — спросила я.

— Одного. По тому делу прислали сам ответ. По двум другим спрашивают, живут ли люди по прежнему адресу. У них уже новая запись выезда, но не дают, пока не узнают, кому отдать.

Я прочла только внешние адреса. На одном письме слово «родство» было подчёркнуто. На другом печать поставили так низко, что она закрыла имя получателя. После переговоров мы договорились, что запросы о людях можно будет передавать через архив. Как будут отвечать, ещё приходилось проверять по каждому листу. Севель спросила, будет ли Мира ждать от нас сведений о живом человеке или просит удостоверить смерть. Я ответила, что смерть ей уже объявили. Ей нужны обстоятельства и место погребения.

— Тогда отправят к городскому писарю, — сказала Севель. — Если написать «по умершему», он выдаст копию числа и больше ничего не спросит.

— От лечебницы нам тоже нужен ответ.

Севель достала два бланка. Один годился для запроса о живом пациенте, другой — о выписанном. Мы обе посмотрели на пустые графы.

— Напишу от руки, — сказала я. — Рута разберётся, кому направить.

— Так быстрее.

Ученик задержался в дверях: письмо Кест велело не пересылать обращение обратно в посёлок, а адрес посёлка был ему знаком.

— Здесь же родные. Они могли бы получить.

— Мира уже выбрала, кто получит. Отнеси Руте.

Я сказала резче, чем собиралась. Он покраснел, и мне стало стыдно: утром я сама учила его задавать вопросы. Я объяснила, что Мира сейчас у сестры и прежний адрес не подходит, а он молча исправил ярлык. Письмо Матвею ушло с обычной почтой; за обращением прислали от Руты к вечеру.

Я села и написала номер, который стоял возле печати лечебницы. Затем дописала, что Мира разрешила запросить её старое заявление и хочет узнать место погребения. В последней строке вывела имя Ярека ещё раз. В извещении оно встречалось единожды. В самом низу, возле выдачи вещей, для него хватило номера.

Глава 2
Третий перевод

Матвей

В воскресенье я пришёл к Элиане с двумя яблоками. Одно подмёрзло у возчика и по дороге стало мягким с боку. Я переложил его в правый карман, чтобы по ошибке не отдать ей. Когда Элиана открыла дверь, правой рукой я держал шапку. Пришлось либо просить её взять шапку, либо протянуть левое яблоко, пока мы оба стоим на пороге.

— Ты будешь заходить? — спросила она.

Я зашёл и отдал оба. Она вымыла их, худшее разрезала и положила половинки на две тарелки.

— Второе оставим на потом, — сказала она.

Я решил, что это уже удачное воскресенье.

На кухне было тепло. Раньше я знал эту комнату по одному углу у двери. Там я стоял, когда приносил бумаги и спешил обратно в управление. Теперь Элиана попросила отодвинуть стол от стены. Мы подняли его вдвоём, придерживая тарелки, и сели друг против друга. С её стороны на доске осталось светлое пятно от окна, с моей — след от гвоздя. Я спросил, для чего был гвоздь. Она сказала, что понятия не имеет. Эти две минуты я вспоминал потом, когда мы ехали в Ольхов и я не мог уснуть от грохота колёс.

— У тебя письмо из Белого Порога? — спросил я.

— Уже из города. Женщина сама приехала. Помнишь, Кест обещала передать записку через реку?

Я помнил. Кест тогда записывала имя Элианы с краю листа, оставляя место для чужого ответа. Я думал, мы услышим о ком-нибудь из старого списка. Элиана сказала, что женщина искала брата и нашла его в лечебнице. К тому времени, когда ей позволили забрать его вещи, он уже был мёртв.

Я положил нож. Элиана произнесла имя и дату, а потом назвала номер, стоявший возле печати. Услышав последние цифры, я попросил повторить.

— Триста шестьдесят два, — сказала она. — Последняя цифра на самой печати. Мира читает её так же.

Я потянулся за карандашом, которого с собой не было, и лишь тогда заметил, что Элиана перестала есть. Она смотрела на мою руку. Я медленно вытащил её из кармана.

— У Ильса по третьему переводу стояло триста шестьдесят два, — сказал я. — И дата отправки. Я выписал их у Руты, когда мы вернулись.

— Там откуда везли?

— В выписке указан нижний кордон. Это место пересадки. В какой лечебнице его приняли, из записи узнать нельзя. Ильс собирался спросить человека, который дал ему две другие фамилии.

— И этот человек так и не отозвался?

— Он передал Руте, что готов говорить весной. До оттепели у него двое сыновей на границе. Боится, что их снимут с работы.

Элиана ответила не сразу.

— У Миры есть корешок из посёлка. Она подписала разрешение, когда у Ярека был жар и он не мог решить сам. В Ольхове ей показали её подпись под согласием на службу.

— Она дала тебе корешок?

— Показала. Свои бумаги взяла с собой. На запрос в посёлок согласилась.

Я уже думал, что могло уцелеть в пересыльных книгах. Дату и число следовало проверить вместе. В двух конторах легко мог оказаться один и тот же номер. Если номера шли сквозные, достаточно было недели и направления, но я ещё не знал, кто как считал. Я спросил, в какой день Мира может прийти снова. Элиана посмотрела на окно. За стеклом растаявший снег обнажил чёрную щель между рамой и камнем.

— Я сказала, что пришлю весть, когда Рута ответит. Тебе я написала только про воскресенье.

— Мне понравилось, что ты написала.

— Знаешь, совсем не похоже, — сказала она.

Я посмотрел на нетронутое яблоко. Мы ещё не съели первое, а я уже сидел у Руты над списками.

— Я хотел услышать, как ты живёшь.

— Так спроси.

Мы поговорили о её работе, о протекающей крыше и о соседке, которая каждое утро пекла хлеб, но никогда не продавала его в одно и то же время. Потом вышли за водой. В очереди у колонки я вспомнил, что Элиана так и не сказала, свободна ли она вечером.

— Я свободна, — ответила она. — А ты?

— Я ещё никуда не еду.

— Ты уже проверил карманы.

Мне хотелось возразить. Вместо этого я взял у неё ведро.

— Сегодня останусь, если не прогонишь.

— Посмотрим, как будешь себя вести.

Ведро я отнёс на кухню, а потом действительно не ушёл. Это оказалось сложнее, чем обещать у колонки: всякий раз, когда за стеной хлопала дверь, я прислушивался и пытался угадать, не ко мне ли пришли. Элиана заметила на третьем хлопке.

— Если ждёшь кого-то, скажи.

— Никого не жду.

— Тогда зачем слушаешь?

Я не нашёл ответа. Она не стала его добиваться. Достала из шкафа две книги и спросила, помогу ли выбрать, какую вернуть соседке первой. Я по привычке прочёл названия, проверил, нет ли вложенных листов. Элиана забрала одну у меня из рук.

— Она спрашивала, что понравилось. Не что потерялось.

Мне стало смешно и неприятно одновременно. За последний год я разучился брать книгу без мысли о том, что между страницами может быть доказательство. Элиана открыла место, которое хотела мне прочесть. Старая история о путешествии начиналась с того, что рассказчик трижды заблудился в одном городе и все три раза обвинил хозяина постоялого двора.

Я сказал, что хозяин мог давать неверную дорогу. Элиана посмотрела на меня поверх страницы.

— Ты его сейчас допрашивать начнёшь?

Она дочитала. В четвёртый раз путешественник вышел правильно, потому что перестал искать башню, снесённую за двадцать лет до его приезда. Мне пришлось признать, что история смешная. Элиана сказала, что именно поэтому и хотела её прочесть.

Я слышал, как меняется её голос, когда ей не нужно подбирать формулировку для запроса. Она торопилась к смешному месту, сбивалась, возвращалась на полстроки. У меня возникло странное чувство: я хорошо знал, что ей причиняет боль, и почти не знал, что она читает ради удовольствия. Мог назвать врача, который её осматривал, и не помнил, какие яблоки она любит. Сегодня принёс те, что оказались у возчика, и считал, что хорошо придумал.

— Давно у тебя эта книга?

— С зимы. Соседка два раза спрашивала, закончила ли я. Я всё собиралась.

— Из-за работы?

— Иногда просто не хотелось. Бывает и так.

Я почувствовал в этих словах упрёк, хотя, может быть, его не было. Элиана закрыла книгу.

— Что?

— Ничего.

— Вот это у тебя хуже всего получается.

Я сказал, что мне трудно представить день, когда ничего не нужно довести до конца. Она сначала кивнула, потом покачала головой.

— Мне тоже. Но если я лежу и смотрю в потолок, это не значит, что жду нового поручения. Иногда я просто хочу полежать. И чтобы никто не думал, что со мной опять что-то случилось.

Я уже почти ответил, что понимаю. Вовремя остановился.

— А я всё равно думаю.

— Знаю.

Она сказала это устало. Не сердито, но я услышал, сколько раз ей, наверное, приходилось начинать подобный разговор с другими людьми. Мне захотелось оправдаться тем, что я был рядом тогда, когда случилось худшее. Я удержался: она тоже была там, и ей от этих воспоминаний не становилось легче дышать в собственной кухне.

Мы ещё посидели молча. Потом я попросил книгу про путешественника. Элиана отдала и показала другое место. Читать вслух у меня получалось хуже: я заранее искал, к чему ведёт фраза, и пропускал смешное. Она остановила меня, велела начать сначала. На второй раз я уже сам услышал, как герой важничает, объясняя незнакомому лодочнику устройство его лодки.

К вечеру мы так и не вернулись к письму Миры. Оно никуда не исчезло, я помнил каждую цифру. Но, уходя, сумел сперва сказать, что хочу прийти ещё, а уже потом спросить, когда можно. Элиана ответила не сразу.

— С книгой приходи. С этой.

Она сунула её мне под мышку. Я дошёл до угла и только там заметил, что забыл шапку. Пришлось вернуться. Элиана открыла почти сразу и смеялась, пока я пытался объяснить, что на этот раз не искал повода.

***

В понедельник Рута велела мне явиться в боковую приёмную. Я пришёл на четверть часа раньше и по привычке свернул к лестнице общего отдела. У двери сменился караульный. Молодой человек с зарубкой на подбородке поднял руку, чтобы меня остановить. Его сосед успел сказать, что я здесь служу. Молодой посмотрел на пропуск в моей руке и спросил, куда именно мне нужно. Я назвал боковую приёмную. Он показал дорогу.

Прежде меня бы пустили по слову соседа. Я поймал себя на том, что всё равно сержусь на молодого. К боковой приёмной вела галерея, где за зиму просела половица. У стены лежала купленная на замену доска. Я сел на неё и дождался Руты.

Рута нашла меня на доске, оглядела и протянула мою старую выписку.

— Удобно устроился. Пойдём, у меня хотя бы стул есть.

В кабинете Рута села напротив, оставив мне место у окна.

— Показывай.

Я показал последнюю строку. Триста шестьдесят два. Над ней стояли два других номера с фамилиями, которых удалось добиться до переговоров. На полях я оставил место для третьей фамилии. Теперь я написал там имя Ярека и приписал, от кого узнал номер.

— Время? — спросила Рута.

— Вчера после полудня. Точное время не знаю. Элиана показания принимала в субботу.

— Она прислала копию извещения. Вот что я хочу проверить, прежде чем отправлять запрос.

Рута развернула чистый лист. На одной стороне был набросан план приёмного двора нижнего кордона. На другой рукой писаря шли две колонки. В левой стояли номера, в правой названия станций. Триста шестьдесят два встречался дважды. В первой строке был обозначен груз, во второй — человек без имени.

— Ровенская и вальденская книги, — сказала она. — Писарь перенёс обе, чтобы показать, на что наткнулся. Теперь посмотри на даты.

Груз прибыл осенью и получил разрешение в тот же день. Человека отправили позже. Это могло избавить нас от одного совпадения, если бы мы знали, что номер у Миры относился к перевозке, а не к смерти.

— У неё его поставили поверх печати, — сказал я.

— Хорошо, если у нас сохранился второй экземпляр. Тогда узнаем, где и когда дописали.

— Что дальше? — спросила Рута.

— Зайду к Мире. Хочу ехать в Ольхов с ней или с её письмом.

— А если тебя выставят из лечебницы?

— Подожду у двери.

Рута вздохнула так, словно услышала это не в первый раз.

— Лучше вернись на постоялый двор, — сказала она. — От того, что ты замёрзнешь у двери, меня быстрее не дождутся. И старую выписку им не показывай. Две другие семьи сейчас ни о чём не просят.

Она взялась писать запрос, но погнутое перо оставило две линии. Рута выругалась, взяла другое и продолжила с того же места.

Копию корешка Элиана не снимала. В записке она привела название бланка и внешний номер, а к ним добавила ссылку на пустую форму, которую Мира узнала в читальне. Рута посмотрела на две буквы в конце ссылки. Тогда достала из папки доску, которую писарь до того использовал вместо подставки, и сняла с неё лист о переводах. В самом низу под ним было три слова, наполовину смазанные чьим-то большим пальцем. Я спросил, откуда они взялись. Рута показала, что их переписывали тем же пером, каким вывели фамилии возле первых двух номеров. Чернила бледнее, потому что писарь к концу почти выбрал перо.

— Это приложение к списку Ильса, — сказала Рута. — Выслали предписания и оставили отметку, каким счётом их оплатить. Два старых, по одному счёт не пришёл. Возможно, у номера 362 тоже есть приписка, а нам в Белом Пороге показывали только верхнюю половину.

— Кто должен был прислать счёт?

— Кто закончил перевозку. По двум другим имена удалось узнать потому, что пациенты успели добраться до места. С третьим к Ильсу пришла только отметка на отправление. Он сначала попросил повторить запрос.

Она показала поле, где Ильс поставил тонкую черту. На одной соседней строке в том же месте стояло слово «возврат». Я прочёл его дважды. Два человека могли уехать по одной дороге и попасть в разные книги, если одного везли из дома, а другого вернули за счёт фонда. Теперь меня интересовало, что исходная отметка говорила о Яреке до поездки. Я спросил Руту, есть ли книга расходов на нижнем кордоне.

Писарь объяснил, что расходную книгу за предыдущий год вернули на кордон при закрытии счёта. Здесь остались лишь последние два месяца и реестр сменных гонцов. В реестре иногда указывали, от кого приняли пакет; за ним и послали ученика.

В реестре нашлось две коробки за один день. Первую принял ровенский курьер, вторую взял дорожный сторож из Вальдена. Возле второй отмечено, что часть бумаг выдали по пакету снабжения, а не с обычной почтой. Я поставил карандаш рядом с пометой. На ней можно было

построить версию, будто кто-то заранее знал, что Ярек поедет служить. Я поймал себя на этой мысли и спросил писаря, что через снабжение обычно передают.

— Лекарства и деньги. Если написано «часть бумаг», там может быть один счёт. Или список людей к обеду, если у них на кордоне оставляют воз.

Он показал другую страницу. В одном пакете шёл заказ на конскую попону и три запроса на выписку. Карандаш я убрал. Доказательством оставалось только то, что во время нужной недели с нижним кордоном переписывались и служащие фонда, и люди, которые выдавали лекарства. Запрашивать требовалось саму отметку о передаче пациента. Если там назовут посёлок, Мира получит подтверждение той дороги, с которой унесла домой пустую лавку.

Рута вложила в свой запрос номер страницы и черту из копии Ильса. Я спросил, не стоит ли приложить имена двух других людей, чтобы Ивене было легче узнать книгу. Рута пододвинула ко мне таблицу с номерами. На её краю ещё лежал обрывок бумаги с адресом семьи одного из больных.

— Ивена сможет найти книгу по времени и кордону. Если понадобится имя, попросим у семьи. В Белом Пороге Кест уже спрашивала, кому должны ответить по первому переводу. Там не были готовы услышать ответ от нас.

Я передвинул адрес под папку. Мы часто говорили «по первому» и «по третьему», пока людей было не за что больше назвать. Ильс на своём листе оставил возле третьего номера столько пустого места, что туда можно было вписать и фамилию, и посёлок. Я не знал, куда он собирался их потом отнести. Зато теперь знал, что первый вопрос Мире следует задать до того, как назову ей остальные номера.

— Корешок у Миры останется? — спросил я.

— Пока да. Если понадобится осмотр, вызовем её с ним. Пошли уже письма, иначе опять будем ждать до утра.

Запросов получилось три. В Ольхов ушло требование представить второй экземпляр извещения и запись в городской книге умерших. В посёлок — просьба заверить исходное заявление Миры. Ивене Ро Рута послала копию из Белого Порога и попросила установить, что записали на ровенской стороне при передаче пациента. Я написал свой адрес на обороте черновика, чтобы она могла сообщить мне, если понадобится узнать у Миры что-то ещё.

Рута промокнула подпись и на секунду задержала руку на листе.

— Торен вернулся с выезда. Вчера по дороге домой заходил за тёплым пальто, сегодня должен сдавать рапорты. Помнишь его письмо о том человеке, которого отряд убил у дороги?

— Да.

— После того письма Торен попросил пропускать все донесения о больных при охотах через него. Может быть, у него есть что-нибудь по Ольхову. Я передам дату. Если её узнает, позову тебя.

Я задержался, хотя Рута уже взялась за другое дело. В Белом Пороге мне казалось, что достаточно добраться до Олвейна и вытянуть из него ответ. Теперь его имя лежало в закрытом шкафу, а мы ждали книгу из посёлка. Я злился на эту медлительность и понимал, что, начни я с обвинения, в Ольхове нам покажут ровно те бумаги, которые успеют приготовить.

— Матвей, — сказала Рута, не поднимая головы. — Почта.

Я унёс три запроса вниз. Молодой караульный чуть не отправил ровенский вместе с двумя вальденскими; я указал на адрес. Он исправил помету. Спорить о потерянном дне с человеком, который только что уберёг письмо от лишнего круга, было бы особенно глупо.

***

Мира жила у двоюродной сестры над лавкой соли, свечей и масла. Я споткнулся на крутых ступенях, и хозяйка ещё до стука крикнула, что пустая бочка под лестницей.

— Я не за бочкой.

— Тогда стучите, зачем же дверь плечом ломать!

Элиана уже была там. Услышав наш разговор, она отвернулась к окну, но плечи её дрогнули. Я поздоровался с Мирой, стараясь не смотреть на неё.

— Элиана говорит, вы видели номер раньше, — сказала Мира.

— В списке переводов. Пока я знаю, что номер совпадает и что даты идут в нужном порядке. Рута ждёт ответ по другому берегу. С тех пор, как вы получили извещение, из лечебницы вам что-нибудь присылали?

— Нет. Но вот сестре оставили цену за угол на следующую неделю. Я ещё не решила, куда ехать.

Под солонкой лежала записка: четыре медяка за ночь. Две ночи обходились Мире почти в дорогу домой.

— В Ольхове та хозяйка вас примет? Над пекарней?

— Примет. Тюфяк второй до поста держит. — Мира помолчала. — Я ж ей сказала: утром брата приведу. И как теперь?

Я ответил, что хозяйке можно пока передать весть через возчика. Мира пропустила это мимо ушей.

— Что вы ему скажете, если тот человек с ведром выйдет к вам?

— Спрошу, где найти дежурного, который выдал вам извещение. Если он сможет ответить только на это, больше просить не стану.

Мира собралась ехать сама. В сухую погоду ранним возом можно было добраться до Ольхова и вернуться к ночи, но сейчас возчики не обещали даже своевременного прибытия. Я предложил заказать ей место рядом с моим.

— За мои, — сказала она и начала отсчитывать деньги. — Мне на двоих не надо. Только одно место. А в лечебницу вы возьмёте меня с собой?

— Могу пойти вместе с вами.

— До двери, — сказала Мира. — Если меня пустят, я сначала сама спрошу про сапоги.

— Если вас пустят, а меня нет, спросите, можно ли вынести бумаги вниз.

— Вы думаете, я там ещё что-то выпрошу? Я уже просила.

Я хотел объяснить про полномочия Руты, но Элиана остановила меня.

— Если откажут, будем добиваться через управление. Тебе не придётся снова одной ходить от двери к двери.

— Скажут: вот и ходите через управление. У них всегда так.

Я не нашёл, что возразить. Мы записали название лечебницы и имя дежурного, которое Мира помнила. Другого способа начать у нас пока не было.

— А если выяснится, что кому-то надо отвечать? — спросила она.

Я не сразу понял, спрашивает ли она про себя. Мира вынула коробку, поставила на стол.

— Я всё думала: надо было крупнее написать. Про лекарство. Чтобы сразу увидели: после сумерек, раньше нельзя.

— Ты написала разборчиво, — сказала Элиана. — Даже сейчас помнишь каждое слово.

— Так и они прочли. Когда копировали, прочли же.

Мира провела ладонью по крышке коробки.

— Кто-то видел про лекарство и всё равно сверху написал про службу. Вот его я хочу спросить.

— Найдём, кто привёз Ярека и кто его принял, — сказал я. — Но обвинение предъявляет Рута. Я ей передам всё, что узнаю.

— Только не по кругу меня. К вам, от вас к ней, от неё ещё куда-нибудь.

— Я сам передам.

Она открыла коробку и показала корешок. На сгибе ещё различались номер и день; я записал их, пока Мира держала бумагу перед собой.

На листе с названием лечебницы Мира дописала: «Что стало дальше». Она объяснила, что у стойки её всякий раз спрашивают, за вещами ли пришла, и дальше разговор уже не идёт. Теперь будет с чего начать, даже если опять собьётся.

Сестра позвала её мерить дорожное пальто. Они поспорили, понадобится ли оно: Мира не хотела брать чужое, сестра велела не дурить и просунуть вторую руку. Пока они занимались пуговицами, я узнал имя хозяина обоза и записал Мире, где найти Руту, если из лечебницы придёт ответ до нашего отъезда. Она прочла адрес, повторила номер комнаты и спрятала его рядом с корешком.

Мы с Элианой вышли вместе. Она сказала, что в Ольхове хочет сперва поговорить с врачом о причине смерти. Самого врача пока никто не называл. Лечебница могла разрешить ей встречу по письменной просьбе семьи, и Мира согласилась такую просьбу передать.

— Тогда поедем втроём? — спросил я.

— Я обещала Мире, что буду с ней на месте. Если нужна повозка, возьми три места.

На углу мостовая была белой от соли. Элиана остановилась и наклонилась проверить, не развязалось ли крепление на трости. С рукава свисала та самая нитка. Я сказал, что она уцепилась за пуговицу. Элиана подняла руку, чтобы я мог её снять. Нитка оказалась длинной и крепкой. Я дёрнул, и край ткани чуть собрался. Пришлось отпустить.

— Дома отрежу, — сказала она, и мы пошли дальше.

У лестницы архива меня ждал посыльный из управления со сложенной запиской. Рута успела показать Торену дату и название лечебницы. Она написала, что Торен просит нас прийти утром до отъезда и чтобы Мира, если захочет, тоже пришла. На обороте стоял один вопрос, переписанный с его слов.

Были ли на Яреке высокие сапоги с пришивной петлёй?

Глава 3
Человек из рапорта

Матвей

Торен Вейр пришёл в управление с дверной ручкой в кармане. Вынул её вместо пропуска и несколько секунд смотрел на медное кольцо, пока караульный терпеливо ждал.

— Мастерская напротив, — подсказал караульный.

— Знаю. У него до восьми закрыто.

Он положил ручку обратно, нашёл пропуск и прошёл к нам. Пальто было старое, слишком узкое в плечах. В правом рукаве возле локтя виднелся свежий шов. Когда мы виделись в прошлый раз, он был в таком же пальто, но мог согнуть руку, не натягивая ткань.

— Чья дверь? — спросил я.

— Наша. Новая ручка с одной стороны ходит, с другой заедает. Рута говорит, надо перевесить дверь. Пусть сперва мастер посмотрит.

Я собирался спросить, как он доехал, но Торен уже видел Миру. Он снял шапку, назвался и подождал, пока она тоже назовёт себя. Очевидно, Рута рассказала ему, кто придёт. Про сапоги он спросил только в комнате, когда мальчик, принесший воду, вышел и закрыл дверь.

— Петля из чёрной кожи? — сказала Мира. — Как само голенище. Другой под рукой не было.

— С обеих сторон?

— На обоих сапогах. Узел на правом остался внутри. Шёлковая нитка, тёмная. Я ею рукавицы чиню.

Торен раскрыл полевую книжку на странице с водяным пятном.

— Высокие сапоги, домашняя починка. Вот. Но про правый я не записал. По одной петле не скажу, что это ваш брат.

Мира прочла страницу до конца. Я заметил, как её взгляд задержался в верхней половине листа.

— Почему вы написали «без имени»?

— Его никто не назвал. Мы шли на Обречённого у городского поста. Потом я спросил смотрителя — тот отправил к караульной книге. А книгу унёс человек, которого в ту ночь не было.

— И вы не узнали?

— Нет.

Мира прижала страницу ладонью. Торен оставил книжку перед ней.

— Кто его убил?

Торен посмотрел ей в лицо.

— Я отдал приказ. Последний удар был мой.

За дверью скребли щёткой ступени, вода стекала в канавку. Я ждал, что Мира отдёрнет руку от книжки. Она сильнее прижала страницу.

— Он вас видел?

— Видел.

— Что он сделал? Расскажите. Только не то, что здесь написано.

Торен сел, упершись предплечьями в колени.

— Там проход между постом и водомерной будкой. У будки две двери. Наружную покоробило, а ту, что к посту, рабочие закрыли по приказу. И заперлись. Он стоял у этой двери. Мой человек окликнул его, назвал господином. На голос он не повернулся. А когда мы ступили на настил — повернулся.

— Он говорил?

Торен ответил не сразу.

— Ни слова. Ещё минуту мы держались у стены. Думали вывести людей через наружную дверь, пока он занят нами. Через щель подали лом. Первый рабочий успел выйти. Второй зацепился за верхнюю скобу и крикнул, чтобы притормозили. Обречённый услышал и пошёл к нему. Там у будки ход сужается. Если дать ему пройти между стеной и дверью, рабочий так и останется на скобе. Я велел своим брать человека снаружи. Сам пошёл к двери.

— Лицо его кто видел? — перебила Мира. — Кроме вас.

— Двое моих. И каменщик, которого сняли со скобы. Близко видел. Потом сидел на ступенях, его всего трясло. Я спросил, знает ли он человека. Он только твердил, чтобы его вывели оттуда.

— Как его зовут?

Торен назвал имя. Каменщик Мель, старший на том участке. Я записал его на своём листе и отдельно отметил, где он должен был стоять. При встрече следовало сперва спросить, что он помнит сам. Если произнести имя Ярека раньше, чем каменщик заговорит, мы уже никогда не узнаем, назвал бы он его первым.

— Торен, — сказала Элиана. — Известно, кто послал за вами?

— Пришёл мальчик от караула с устным вызовом. Указал время, когда заметили опасность. Мы прибыли позже, от верхней заставы надо спуститься, а нижнюю дорогу как раз закрыли из-за воды.

— Сколько прошло?

— От заставы до будки четверть часа. От начала дежурства до вызова я не знаю. На настиле валялась лекарская сумка. Когда мы приехали, у неё уже примерзла перевязь. За ней вернулись, пока мы собирали людей у лестницы.

— Вы видели, кто забрал?

— Девушка в переднике. Сказала, сумка из лечебницы. Я пустил её взять, когда мы освободили проход.

Мира подняла глаза.

— Вы сказали «когда мы собирали людей». Что сделали с ним?

— Передал караулу тело и вещи, — сказал Торен. — Кристалл приняли отдельно, по уставу. Есть расписка.

— Кристалл был из него?

— Да, — сказал Торен.

Мира отвернулась от Торена. Я подумал, что сейчас она уйдёт, но она смотрела на Элиану.

— Он у окна со мной говорил. Совсем как всегда. Как же…

— Тогда он ещё был собой, — сказала Элиана. — Его можно было снять со службы.

— А вы уже не могли? — Мира снова повернулась к Торену.

— Когда приехал я — нет.

— Вы так говорите, будто…

Она не закончила. Торен не стал ни оправдываться, ни повторять устав. Я видел, как он смотрит на её обломанный ноготь, и жалел, что не могу выйти из комнаты за водой, за бумагой — за чем угодно.

— Как рабочего звали? — спросила наконец Мира.

— Мель.

— Мель, — повторила она. — Найдите его.

Рута записала имя. Теперь она писала быстро, не поднимая головы.

— Если это он, — сказала Мира, — я лучше услышу остальное уже там. Вы сможете мне сказать, кому именно его отдали?

— Сдачу принял городской караул. Я проверю, было ли распоряжение, куда его везти. По вещам тоже узнаю.

Мира начала застёгивать пальто снизу, попала не в ту петлю и дёрнула так, что нитка затрещала.

— Да оставь ты, — тихо сказала Элиана.

Мира отпустила пуговицу. Они вышли вместе, не дожидаясь, пока я отодвину стул от прохода.

***

Торен вынул расписку и положил на стол. Я ожидал увидеть такой же лист, как в первой описи партии 4187. Здесь был плотный серый клочок с печатной строкой, от которой письмоводитель отрезал часть с номером книги перед выдачей. Номер продублировали от руки. На обороте стояла подпись Торена. Росчерк задел край и прервался.

— Ты зачем её с собой возишь? — спросил я.

— Раньше сдавал обе. Одну возвращали с печатью через месяц. Теперь оставляю свою, пока не получу подтверждение. Бывает, нас отправляют на другой конец округа раньше, чем груз принимают в расход.

Рута перенесла номер на черновик.

— До этой недели ты службу с лечебницей связывал?

— Нет. Думал, кто-то с городского поста. О том, что лечился, узнал сегодня. Про человека из прошлого письма я знал другое. Там был больничный список и охота проходила на дороге. А в этот раз нам дали одно место и ни одного имени.

Я наклонил расписку к свету. Печать приёмщика была целой. Имя служащего читалось только под лампой: Лемт, с вытянутой через две буквы перемычкой. Рута записала фамилию. Для проверки нам требовалась городская приёмная книга. Если в ней стоял номер Ярека, можно было бы установить, когда сама лечебница узнала, кто погиб. Пока мы видели одну расписку за один кристалл и то, сколько строк кому-то понадобилось, чтобы принять его на хранение.

— Рабочего ты можешь найти? — спросил я.

— Могу спросить его старшего. Сначала хотел бы снять смену с дороги. Моих людей опять посылают по тем же вызовам. Там уже две недели пытаются залатать верхний настил. Нас зовут снизу и дают время лишь тогда, когда всё началось.

— Одиннадцать дней, — сказала Рута. — Ты сам писал, что настил ломали на прошлой неделе.

— Я писал, когда чуть не провалился. Мостовщики там стояли до этого.

— На пост днём пройду? — спросил Торен.

— Место осмотришь как старший на выезде. Журнал запрошу я.

— Рабочих тоже тебе оставлять?

— Свидетелей — да. Дверь и настил твои.

Торен кивнул, хотя это ему не понравилось.

— Дорогу туда помнишь? — спросил меня Торен.

— Был проездом один раз. Лет пять назад.

— По какой стороне въезжал?

— Через мельницы.

— В ту сторону опять придётся обходить. Повозка высоко по склону идёт плохо. Я приеду утром верхом, вы через мост днём. Если задержитесь, оставьте весточку в конюшне у верхних ворот. Там Рада, хозяйка конюшни. У неё всегда кто-нибудь ездит вверх и вниз.

Я спросил, собирается ли он ехать с отрядом. Торен назвал двух охотников, а потом третьего, который ещё не оправился после недавнего выезда и должен был остаться у заставы.

Назвал в том же тоне, каким перечислял остальных. Было понятно, что молодой человек с услышанным именем не согласится с таким приказом без спора.

Рута подвинула к Торену его расписку.

— Это будет у тебя. Отметку о предъявлении я сделаю сейчас.

Пока Рута оформляла отметку, я снова посмотрел на старые бумаги. Дело о пропавшем переводе было открыто на первой строке, и я перевернул на последнюю. В ней значился день отправки с нижнего кордона. Внизу на расписке — день выдачи кристалла. Между ними прошло столько времени, что Мира успела дважды собрать деньги на дорогу. На бумаге в оба дня нашлось место для номера и подписи человека, который принял то, что привезли. В один день привезли больного, в другой — груз, который можно было запереть у приёмщика в железной коробке. Я отделил одну бумагу от другой, чтобы в сырости не отпечаталась печать.

Торен уже стоял у двери, но обернулся.

— Матвей, — сказал он. — Если увидишь сапоги, не неси их ей сразу. Пусть покажут оба.

— Я попрошу сначала дать ей посмотреть на месте.

Он подумал, затем кивнул. Я спросил, сумеет ли он вспомнить дорогу от поста до комнаты, где оставили вещи.

— Сам проведу, — сказал Торен.

Рута попросила его прежде подождать своего человека. Тот ещё утром поехал к оружейнику за ремнём и должен был вернуться сюда, если понадобится отдельный разговор. Он был на нижнем посту вместе с Тореном. Рута хотела, чтобы он прочёл собственное донесение о дежурстве, прежде чем увидит чужую запись. Торен посмотрел на дверь. Потом снял пальто и отыскал под окном гвоздь, который выдержит его вместе с медной ручкой.

— Это Тарс? — спросил я.

— Тарс. В тот день он у наружной двери был. Вытащил рабочего, потом вернулся за вторым. После в караульной сказал, что в следующий раз ему нужен человек, которого можно поставить снаружи. Я спросил зачем. Тарс ответил, что если сам берётся за дверь, мне уже некому сказать, с какой стороны вышли люди.

— Почему ты спрашивал?

Торен посмотрел на рукав, который только что сложил на гвозде.

— В будке я считал двоих. А он, пока мы подходили, увидел ещё одного у бокового настила. Парень уже выбрался, поднял тревогу у караула и вернулся с караульным показать место. Потом снова ушёл к лестнице. Мне из-под навеса его не было видно. Чуть не послал человека искать третьего у затвора, когда тот уже стоял наверху. Тарс и остановил.

Рута вышла к писарю. Торен постоял ещё немного у стены и рассказал, как однажды на охоте сам добрался до двери раньше отряда. Он мог пройти совсем близко от Обречённого, если бы отдал на это часть веера. Тогда и отдал. Охотники должны были подойти, когда он позовёт. Первый услышал голос и повернул за ним. Второй не услышал, а куда смотреть, уже не знал. Торен вернулся за ним, когда закончил выводить остальных. Человека нашёл там, где сам поставил перед выездом.

— У нижнего поста об этом думал? — спросил я.

Торен попробовал разогнуть правую руку и поморщился. В пальто это было почти незаметно.

— Думал. У нижнего поста я видел Тарса за дверью, слышал, кого он выводит. Потому и справились без дара. Спущусь один, потрачу будущее, а люди всё равно на настиле. И мои не знают, где я. Второй раз так не пойду.

— Ты ведь остальных вывел, — сказал я.

Торен посмотрел на меня, и я сразу пожалел, что заговорил таким тоном: будто достаточно правильно сосчитать спасённых.

— Вывел.

Он не добавил ничего. За стеной перекликались караульные, искали человека, который ушёл с ключом. Я уже собирался сменить тему, когда Торен сам продолжил:

— Я тогда тоже решил, что всё сделал. Обошёл. Дал им проход. Услышал сзади своих и подумал: идут. А он не шёл.

— Ранен был?

— Ногу прижало. Под балкой. Когда я обходил, она ещё держалась.

Он говорил без прежней размеренности, обрывая фразы там, где я ожидал объяснения. Я видел, что ему приходится выбирать не слова, а то, какую часть случившегося он вообще хочет мне показать.

— Откуда ты мог знать?

— Мог спросить.

— Если бы откликнулся, тебя бы заметили.

Торен коротко кивнул.

— Потому и не спросил. Решил: узнаю, когда выйдем.

Он упёр локти в колени и посмотрел перед собой. Мне было знакомо это движение: человек уже слышит все возможные возражения и всё равно возвращается к одному месту, где можно было поступить иначе. Разница была в том, что на месте Торена я никогда не стоял. Не знал, что значит спрятать своё присутствие, пока твой товарищ зовёт по другую сторону стены.

— Он звал тебя?

— Другого. Тот подумал, зовёт меня. Потом оба перестали кричать. Решили, что я их веду.

Рута подошла к столу, но не вмешалась. Торен на неё не посмотрел.

— Я был впереди. Видел выход. Обречённый пошёл на тех, кого видел, и я успел отсечь его от проёма. Мог бы тогда сказать себе: без дара никто бы не вышел. Может, так и было. Только он под балкой от этого не переставал лежать.

— Ты вернулся.

— Поздно.

Мне хотелось сказать ещё что-нибудь, что не оставило бы его одного с этим словом. Он, кажется, угадал.

— Не надо, Корин. Я не за этим рассказал.

Торен помнил имя того охотника. Назвал его и вдруг сказал, что две недели назад видел его сына. Сын пришёл чинить застёжку на ножнах и попросил не давать ему денег за работу вперёд. Хотел сам решить, сколько брать, когда застёжка встанет. Они уговорились, что за ножны Торен придёт через неделю. В назначенный день тот всё ещё возился с язычком. Он хотел, чтобы можно было открыть одной рукой.

Рута занялась вызовами на другом конце комнаты. Торен немного посидел, потом заговорил уже о нижнем посту, и я понял, зачем он так долго поправлял места охотников на рисунке.

— Когда человек идёт за мной, он думает: большой, видит больше. Даже если у меня перед носом та же доска, что у него. Я могу велеть ждать, а он уже услышал, что можно идти. Поэтому спрашиваю. Иногда по два раза. Тарс злится.

— Он говорил?

— Ещё как. После Ярека сказал: пока ты спрашивал, дверь у меня из рук шла. В следующий раз не буду ждать.

— И ты разрешил?

Торен усмехнулся.

— Ты тоже думаешь, без моего разрешения дверь нельзя удержать? Я велел ему назвать, что видит, и вытаскивать. Самому. А мне уже говорить, что сделал. Если стану решать за каждого, на всех рук не хватит.

Он распрямил спину. Я впервые заметил, насколько тесным для него был стул; не потому, что он двигался, а потому, что всё это время сидел неподвижно.

— Ты там, в Ольхове, не лезь перед людьми, — сказал он. — Если начнётся, ищи, кого отвести. Что отцепить. Кому дорогу показать. Меч у другого уже будет.

Мне стало неприятно, как будто он заранее отвёл мне место позади. Потом я вспомнил, сколько раз сам спрашивал у лекаря, не может ли раненый подождать ещё минуту ради одного ответа. Я умел быть бесполезным не только с оружием.

— Скажешь, куда встать, — ответил я.

— Если успею. Сначала сам посмотри.

Тарса послали от оружейника прямо в Ольхов с ремнём для смены. Караульный принёс эту весть, когда Торен уже тянулся за пальто. Рута велела передать охотнику, чтобы сохранил своё донесение для отдельного опроса.

— К посту поедешь раньше нас? — спросил я.

— Да. Начну с двери. Если не починили, посмотрю, что мешало. Остальное — с Рутой.

Последние слова он произнёс, глядя на неё. Она сделала вид, что не заметила.

***

Во дворе Элиана и Мира стояли возле шарманщика, который ещё не успел поставить инструмент на ножку. От ворот тянуло холодом. Мира держала мокрые перчатки за манжеты и смотрела, как человек затягивает ремень на плече. Я подошёл, когда он уже взял первые две ноты.

— Я съезжу, — сказала Мира. — Место оставили?

— Три.

— Тогда не уступайте. У возчика непременно попросят, скажут, одна женщина не едет. Я еду.

Шарманщик ошибся и начал мелодию сначала. Мира даже не обернулась. Я предложил зайти за хлебом на дорогу, и мы пошли к рынку.

На углу под навесом продавали свечи для ночного выезда. Одна свеча из каждой дюжины стояла в песке, чтобы покупатели могли посмотреть, как горит. К ближайшей наклонился дорожный сторож, которому нужно было выбрать для своих. Он назвал станцию, и Мира повернулась. На этой станции Ярека переложили на длинную лавку. Мира видела сторожа раньше, только тогда он был в другой куртке. Она подошла и спросила, помнит ли он, кто давал людям дощечки для перевозки. Сторож переставил свечу в песке. Прежде чем отвечать, попросил торговку отрезать кусок бумаги и закрыть первые шесть, которые он уже выбрал.

— Дощечку дают, когда назначают воз, — сказал он. — Больному обычно выдают её там, где принимают заявление. Если потом сменили воз, её перевешивают.

— У Ярека не было, — сказала Мира. — Когда его уносили, ничего не дали ни ему, ни мне. Мне только корешок отрезали.

— Человека могли отправить совсем без номера? — спросил я.

— Семье дощечку могли не дать. На лечебный воз одна бумага, по остановкам считают людей. Ваш брат сам шёл?

— Его несли, — сказала Мира.

Сторож перестал выбирать свечи.

— Такого не помню. Может, моя смена была, может, нет. Под полотно не заглядывал. У дежурного записано, кто принимал возы, спросите там.

Мира спросила, как его зовут. Он назвался и дал посмотреть на бляху, чтобы она могла прочесть фамилию. Я записал фамилию отдельно. Пока Мира рассчитывалась за свечу, которую решила купить, я спросил у сторожа, часто ли раньше вели общие бумаги на людей. Он ответил, что ещё зимой такое было только по лечебным перевозкам. После Белого Порога про-

веряют, к кому везут. До того могли спросить, сколько мест освободят к утру и нужны ли новые лошади, а имя человека знали только внутри.

— Вы сами эти списки составляли?

— Я принимал, что мне оставили. Хотите, назову тех, кто был до меня. Только половина уже не ездит. Один умер, другой вышел из службы.

Я спросил, к кому из них можно обратиться сейчас, если понадобится. Сторож взял свёрток со свечами. Сказал, что на переходе у рва есть двор, где по утрам кормят лошадей. Двое из бывших дежурных работают там. Можно будет встретить, когда вскроются ворота. Я записал название двора. На том мы и расстались. Мира прижала свечу к своей коробке, а я подумал, что за два месяца с лишним ни один человек, которого я опрашивал, прежде не сказал, что пациентов могли считать прямо в возе. Я искал записи на каждого. Они вели число мест.

У угла нас догнал Торен.

— Подождите, — сказал он Мире.

Она остановилась. Он протянул ей страницу, сложенную вдвое. Я сначала решил, что он вырвал её из книжки. Бумага была новая, на сгибе всё ещё блестели чернила.

— Имя рабочего и городская караульная. Если меня не будет у ворот, меня найдут оттуда. По вещам нужно спрашивать моего дежурного, пока я не приеду. Я написал, как его зовут.

Мира взяла лист. На мгновение ветер оттянул его в сторону, и Элиана придержала край. Торен показал ещё раз, где искать его человека. Потом ушёл в мастерскую напротив. Пока мы ждали, чтобы пропустить воз, он постучал, отступил от двери и вынул медное кольцо. Мастер выслушал его и показал пальцем на косяк. Торен посмотрел туда, куда тот показывал, и вдруг засмеялся. До нас донеслось только два слова: «Рута говорила». Воз проехал. Мира сложила страницу и первой пошла через улицу.

Глава 4
Верхняя палата

Элиана

В Ольхов мы въехали вслед за возом с яблоневыми ветками. На каждой развилке возчик останавливался, чтобы скинуть ветки к обочине. Когда его спросили зачем, он ответил, что вчера под водой пропало два столба. Утром он шёл здесь пешком и мог на ощупь показать, где кончается твёрдая дорога. Завтра, если поднимется муть, никто у него уже не спросит.

За городскими воротами было сухо. Вода шла под настилом с таким шумом, что мы с Мирой невольно говорили громче. Матвей помог возчику отцепить нашу сумку от чужой верёвки и остался выяснять, куда отвели коней. Мира помнила дом над пекарней и хотела прежде отнести вещи туда. Я пошла с ней. От лестницы мы увидели крышу лечебницы. Над ней торчала длинная медная труба, а рядом на верёвке сохли детские одеяла, задетые низким дымом.

Хозяйка узнала Миру и вынесла ключ. Второй тюфяк всё ещё лежал вдоль стены; Мира остановилась перед ним, не снимая сумки.

— Вы его для меня подержите? — спросила она у хозяйки.

— Если надо, постелю.

— Сейчас пусть лежит свёрнутым.

Хозяйка показала, где на кухне горячая вода, и спустилась по лестнице. Мира дождалась, пока снизу хлопнет дверь печи, и только тогда вынула из сумки рубашку Ярека. На воротнике, где ткань была плотнее, держался один белый волос. Мира сняла его и бросила в трещину между досками.

— Чужой, — сказала она. — У него на затылке ещё тёмные были.

Рубашку она оставила на столе. В лечебницу взяла коробку с корешком и просьбу о разговоре с врачом. Матвей ждал нас на улице. Увидев очередь, Мира велела ему остаться у скамьи и сама пошла подавать бумаги.

Рядом со мной мужчина держал на колене ребёнка с перевязанной ступнёй. Служительница забрала у него промокшие башмаки, поставила сушиться и позвала их ближе к свету. Мальчик захныкал ещё до того, как она коснулась повязки.

Мира вернулась с деревянной дощечкой.

— Восемь, — сказала она. — На этот раз бумаги взяли.

Мы успели услышать, как позвали троих. Женщина в дверях записывала, кому нужно платить за ночлег. С мальчика и его отца в тот день денег не взяли. Матвей хотел что-то спросить у женщины, но она уже вывела во двор старика, которому обещали передать письмо с заставы. Матвей сел ближе к Мире и сложил руки на коленях. Пришлось ему просидеть так до тех пор, пока за нами не вышел сам распорядитель.

Савин Роль оказался человеком в потёртой куртке с воском на левом рукаве. Выходя, он остановился у печи и переставил башмаки ребёнка чуть дальше от огня.

— Кожа пойдёт пузырями, — объяснил он служительнице. — Подложите снизу полено. Оно тепло до вечера держит.

Роль назвал Миру по имени. Мы с Матвеем поднялись вместе с ней.

— Вы тоже? — Он заметил мою трость. — Наверху тесно. Могу вынести бумаги сюда.

— Нам нужен стол, — сказала я.

Роль оглянулся на ожидающих у печи, оценил очередь и повёл нас по лестнице.

Дом стоял поперёк склона. Мы поднялись на этаж, а за окнами площадки земля оказалась почти вровень с подоконниками. Вдоль стены тянулась узкая дорожка. Мира узнала её и на миг остановилась: отсюда она разговаривала с братом, только по другую сторону стекла.

На лестничной площадке стояли две мерки для крупы, обе с выскобленными краями. Под полкой висел лист с расчётом на неделю. В самой верхней строке я увидела тридцать две порции на ночь. Дневные были меньше почти на треть. Роль заметил мой взгляд и сказал, что вечером кормят семьи тех, кто ждёт места. Я спросила, хватит ли на эту неделю.

— Если по нижней дороге пойдут мешки, хватит. Если опять закроют, пекари дадут в долг. На сколько дадут, не знаю.

Он произнёс это на ходу, придержал дверь и пропустил нас в длинную комнату. За полотняными перегородками стояли койки. У одной женщины на коленях лежал недошитый рукав. Она передала его соседке и попросила послушать, не идёт ли дождь. За стеной ровно шумела вода. Здесь воздух был теплее, и я поняла, что в лечебном доме имеются две печи, о которых снизу не догадаешься. От одной вдоль стены шёл нагретый кирпичный выступ. На нём держали миски для тех, кто ел медленно.

У третьей койки Мира задержалась. На стене над изголовьем был вбит крюк. Рядом темнел квадрат без побелки, словно недавно переставили полку.

— Здесь?

Роль посмотрел на номер над дверью.

— Два окна дальше. Теперь там другая женщина. Если захотите посмотреть, надо спросить у неё.

Мира прошла мимо ещё двух коек. У окна горела лампа. Я заметила поперечину на раме и потерявшую цвет краску, где кто-то много раз нажимал большим пальцем. Мира на пороге прислушалась, но заходить не стала.

Женщина с недошитым рукавом окликнула Роля ещё издали.

— Савин! Сестра воз нашла. Можно собираться?

— Веста, я же сказал: после врача.

— Был врач. Утром был. Вот, смотрите.

Она сунула ему два листа: разрешение передвигаться без присмотра и незаполненную форму отъезда. Игла осталась торчать в сукне у неё на коленях.

— Ходить разрешил, — сказал Роль. — А уезжать пока рано. Кто остаток покроет?

— Сестра меня прокормит. Ей не впервой.

— Мы за её корм и не спрашиваем. За наше спрашиваем.

Веста замолчала. Роль попытался пройти, но она ухватила его за край куртки.

— Так сколько? Вы вчера говорили — сегодня. Сестра за мельницами живёт, не за морем. Я привезу.

— Руку уберите. Счетовод будет утром.

— Воз сегодня!

Роль высвободил куртку. Заговорил об остатке расходов, о передаче в другое отделение, о том, что там должны согласиться принять её до закрытия счёта. Веста слушала, всё сильнее сминая рукав.

— Зачем ей другое отделение? — спросила я. — Она домой едет.

— А вы за неё заплатите?

Я не знала суммы. Роль дождался этого молчания и повернулся к Весте.

— Оставьте вещи до завтра. Если привезут больных, соседнюю койку освободим.

— На листе напишите, — сказала Веста. — Что не пускаете.

Он написал «к сестре» и добавил «ожидает расчёта».

— Прочтите, — потребовала она.

Роль прочёл. Веста спрятала оба листа под подушку.

— Сестру ко мне пустите хоть. А то ещё у дверей завернут.

Он не ответил; мы пошли дальше, и я слышала за спиной, как Веста зовёт служительницу.

У дальней комнаты его перехватил человек с кухни. Роль сначала отмахнулся, но тот заговорил громче: у одного воза лопнула оглобля, муку сегодня не довезут. Распорядитель велел нам подождать и пошёл с ним к лестнице. Я слышала, как он на ходу считает, сколько осталось в верхней кладовой. Говорил быстро, не заглядывая ни в одну тетрадь.

Мира смотрела ему вслед.

— Это он помнит.

Я ничего не ответила. Из-за перегородки позвали Весту. Она появилась с недошитым рукавом и спросила меня, долго ли мы здесь будем.

— Пока не покажут бумаги.

— Тогда сестре моей скажите, если снизу встретите. Пусть не уезжает сразу.

— Мы можем передать наверх…

— Наверх передавали. Она полдня под стеной простояла. Вы сами скажите.

Матвей пошёл к лестнице. Веста проводила его взглядом и только после этого вернулась к своей койке. Я двинулась за ней: хотелось объяснить, что мы не служащие фонда и не можем разрешить ей выезд. Ей, однако, мои объяснения были не нужны. Она показала на соседнюю постель, предлагая сесть, и принялась распарывать неровный шов.

Женщина на соседней койке приподнялась на локте.

— Вас прислали дом закрывать?

— Нет. Мы по одному делу.

— А говорят, закроют. У нижней двери вчера говорили. Всех распустят, кто сам дойдёт.

Веста оборвала нитку.

— Да никто тебя не распускает. Я уехать не могу.

— Тебе есть куда.

После этих слов в палате стало тише. Я поняла, что здесь уже спорили об этом и до нашего прихода. Веста уставилась в сукно. Соседка посмотрела на меня, ожидая ответа, и я зачем-то начала говорить о родных, которые могут прийти за больными.

— У меня нет, — перебила она. — Вон у неё сестра. А у меня нет. Вы всё про родных. Как будто их можно найти, если хорошо спросить.

Я почувствовала, что краснею. Мира стояла у перегородки и слышала весь разговор.

— Я не говорю, что вам нужно уходить, — сказала я.

— А если закроют, куда?

Я могла назвать попечение. Не могла назвать свободную койку. Веста отложила шитьё и попросила соседку лечь: та уже задыхалась от длинного разговора. Женщина не послушалась, пока я не сказала прямо, что не знаю, кто и на каком основании говорил о закрытии. Я выясню, но сейчас ответа у меня нет.

— Так и скажите тогда. А то все знают, как лучше, пока про место не спросишь.

Она легла, отвернувшись. Я поднялась с чужой постели. Хотелось уйти в дальнюю комнату и заняться тем, в чём я разбиралась: бумагой, склейкой, датами. Здесь достаточно было одного вопроса, чтобы я начала предлагать человеку семью, которой у него не было.

Мира дождалась меня в проходе.

— Я не хочу, чтоб их выгнали, — сказала она тихо. — Но моего не отпустили. Это ведь не одно?

— Не одно.

— А почему тогда будто я им мешаю? Она так посмотрела.

Я не смогла сказать, что ей показалось. Женщина и правда испугалась нас. Для неё мы были людьми, которые могут уехать в конце дня и оставить другим разбираться с последствиями.

Матвей вернулся: сестру Весты ещё не видел, но попросил служительницу позвать его, если она появится. Он заметил наши лица и спросил, что случилось. Я рассказала про слух о закрытии. Матвей посмотрел в сторону лестницы.

— Спросим у Роля.

Роль услышал вопрос, подходя. Рассердился так быстро, что я сначала решила: слух верен.

— Кто сказал? Никого не выписывали. Люди лежат, и будут лежать, пока нужно.

— Даже если сами хотят уйти? — спросила Мира.

Он остановился, понял, к чему она вернулась, и уже без раздражения предложил пройти к делу её брата. В палате снова заговорили. Я услышала, как Веста объясняет соседке, что про закрытие не подтвердилось, и подумала: распорядителю не пришлось придумать эту женщину, чтобы заставить нас замолчать. Она существовала, боялась остаться без помощи, и её страх не делал подпись Миры согласием на службу.

В дальней комнате Роль вынул из шкафа папку с делом Ярека. По просьбе Миры он сначала показал опись вещей. В строке о сапогах стояло «выданные, отнесены в расход». На вопросы о цвете кожи и о починке поля оставались пустыми.

— Это его сапоги, — сказала Мира. — Я сама петли пришивала. Что значит — выданные?

— Могли, — ответил Роль. — На самом складе на них мог стоять номер. Нам передали опись уже после приёмки. По выдаче можно проверить отдельно.

— Когда?

Он посмотрел на дверь, словно ожидал, что сейчас принесут ещё одну папку. Потом сделал помету на обороте листка и положил его возле чернильницы.

— Сегодня спрошу у кладовщика. Сейчас он внизу, принимает одеяла.

— Спрашивайте, — сказала Мира. — А кто его на пост послал? Тоже кладовщик?

Роль перевернул два листа и показал ей согласие. В верхней половине значилось, что пациент принимается на городскую службу до отработки назначенной суммы. Ниже шли подпись Миры, знак посёлка и уже знакомая приписка про порошок. Я попросила разрешения подвинуть лист к окну. Роль сказал, что может поднести его сам. Он поставил свечу сбоку, и на бумаге проступила тень, ровная от края до края. Тонкая полоска новой бумаги накрывала место, где первая строка подходила к нижней половине. Поселковый знак захватывал цифры первоначального числа и часть строки под ними. Заголовок стоял выше, на другом листе. Возле сгиба я заметила две чернильные буквы: «С. Р.». Записала их рядом с номером и попросила Миру вспомнить, были ли они, когда она подписывала. Мира узнала только свою приписку.

— Подпись моя, — сказала Мира. — Наверху было написано, что его отвезут к лекарю.

— Части переносят из одной формы в другую, — сказал Роль. — Номер тот же. Заново беспокоить семью среди ночи из-за каждого изменения было бы тяжело.

— А наверху вместо «лечить» теперь «работать». Меня над пекарней весь двор знает. Хоть раз за мной прислали?

Роль отодвинул свечу от бумаги.

— Послушайте. На содержании фонда оплата зависит от основания. На службе — из городского взноса. Личного долга за вашим братом не осталось.

— А если бы не пошёл? — спросила Мира. — Долг бы остался?

— Сверять надо.

— Так сверьте!

Роль поджал губы. Я попросила показать хотя бы расценки, и он снял со шкафа тетрадь: койка, лекарские выезды, перевязки, отопление. Если пациент уезжал на день раньше, тепло за последний день вычитали. Он нашёл несколько таких выписок и выложил перед нами. Фамилии Ярека среди них не было.

— А это что? — спросила Мира.

Она указала на значок сбоку. Я видела такой возле числа на извещении. Роль перевернул тетрадь и показал другой столбец. Это счёт за приём пациента на содержание фонда. К тому, что тот должен отдать сам, прибавляли стоимость услуг, оплаченных до приезда. Дорогу, работу лекаря в посёлке и всё, что отпустили в пути. Я спросила, входит ли туда место, занятое в возе. Роль сказал, что за человека платит фонд, а за сопровождающего надо платить самому. Тогда Мира вытащила из кармана ещё одну бумажку. В первый день, когда её не посадили возле брата, она хотела дойти до следующей станции и заплатила за место на попутном возу. Возчик до станции не доехал. Её оставили у лавки, где на стене мелом писали время прохода повозок. Там она и узнала, что Ярека перевезли дальше, пока она возвращала соседу лавку.

На бумажке была цена за одного человека. Роль прочёл и вернул.

— Эту поездку лечебница вам возместить не может.

— Да не за деньгами я! — Мира втиснула бумажку обратно в карман. — Мне бы тогда сказали, что не посадят. Я бы…

Она не договорила.

— В какой день Яреку объявили сумму? — спросила я.

Роль перелистал тетрадь. Часть расходов вписали заранее, едва из посёлка пришла записка; за воротами добавили плату за перевод, а итог подвели уже под отметкой о выходе на пост. Напротив «объявлено» стояла черта.

— Здесь расписывались те, кто приходил в контору, — объяснил он. — Лежачим сообщали у койки.

— Кто сообщил Яреку?

— Спрошу у дежурных.

Место для имени дежурного оставалось пустым.

— Если он хотел знать, что ему платить, к кому должен был идти? — спросила Мира.

— Сначала к счетоводу. Договорились бы, какое время считать. Бывает, лечение ещё продолжается, а взнос со службы уже начали вести.

— В его случае когда начали?

Роль посмотрел на дату, которую только что сам показал. Я увидела её сбоку. Это был день первого приезда Миры, когда ей сказали, что брат ещё отсыпается после дороги. До их разговора у окна оставалось больше месяца, а счёт за службу уже открыли. У Миры не было возможности узнать, пришёл ли Ярек тогда в себя. Роль так и не показал записи, что сумму объявили самому больному.

Служительница постучала: наверху снова спрашивали, когда привезут муку. Роль отрезал, что уже послал за возом. В приоткрытую дверь я увидела отца с ребёнком. Их отпускали домой; лекарь велел вернуться, если намокнет повязка. Никто не просил ни подписи семьи, ни расчёта за перевязку.

— У вас ещё есть люди, которым за еду и повязки не предъявляют счёт? — спросила я.

— Кто приходит на один раз, уходит в тот же день. Лежачих содержат иначе.

Роль говорил, глядя в дверь. Мира дождалась, пока он закончит, и ткнула пальцем в свою подпись.

— А Ярек говорил, что хочет остаться?

— Здесь стоит ваше согласие.

— После жара он сам что-нибудь подписывал? — спросила я.

Роль проверил кармашек папки. Там нашлись лишь счета за две поездки врача.

— Может быть у старшего лекаря. Он вечером принимает.

— Вечером подожду, — сказала Мира.

— Лучше письменно ответить. Вам не придётся…

— Я уже ждала! — Голос у неё сорвался. Она посмотрела на открытую дверь и заговорила тише: — В прошлый раз тоже велели ждать. Позовите врача.

Она развернула просьбу о встрече, а рядом положила корешок. На бумаге остался красный след: обломанный ноготь снова кровил.

Роль прочёл название формы и потянулся за корешком. Мира придержала его.

— Здесь про лечение. Перепишите себе.

Он протянул ей перо.

— Сначала заявление…

— Не буду я больше у вас подписывать. Вы вон что с той подписью сделали.

Я вынула чистую бумагу. Мы с Мирой составили заявление вместе: она оспаривала назначение брата на службу и требовала показать его собственное согласие. Роль начал писать на её экземпляре «ознакомлена», но я остановила его: нужна отметка о получении, а не о том, что Мире что-то объяснили.

— Вы меня учите? — спросил он.

— Да.

Он посмотрел на Матвея. Тот не шелохнулся. Роль взял другой лист и записал, что заявление принято лично от Миры. Она прочла оба экземпляра и подписала, сначала свой, потом второй.

Матвей всё это время сидел на краю стула. Когда мы вышли, он придержал дверь, чтобы Мира убрала коробку. Я могла видеть, как ему хочется спросить Роля о номере в нижней строке. Он посмотрел на карман, куда Мира убрала свой экземпляр, и спросил лишь, где вечером искать врача.

— Если придёт через главный вход, узнаете по пальто. Вышиты буквы на воротнике. Спросите лекаря Брина.

Внизу служительница разбирала больничное бельё. Мира спросила, где дождаться Брина, и та показала двор за кухней.

— Пока там тихо. После ужина заедет карета, скамья нужна будет санитарам.

— Кого повезут? — спросила я.

Служительница оглянулась на лестницу.

— Из верхней палаты. Койки опять подвинут.

Она забрала бельё и на ходу наклонилась ко мне:

— Ярек у окна один жил до того вечера. Потом к нему Данека привели. У Данека спрашивайте, пока он здесь.

Глава 5
Вечер на двоих

Матвей

Лекаря Брина я узнал по запаху жареного лука. Буквы на воротнике у него прикрывал шарф. Он вошёл с жестяной миской, зажатой под мышкой, а следом в дверь протиснулся мальчик и спросил, осталась ли там ещё хоть половина. Брин снял крышку, показал чистое дно и сказал, чтобы мальчик поблагодарил мать. Потом посмотрел на меня.

— Если вам от простуды, завтра. Вечером я у лежачих.

— Вас ждёт сестра Ярека.

Брин перестал снимать шарф.

— Давно?

— С обеда.

Он нашёл взглядом часы над лестницей. Часовщик снял стрелку и оставил на циферблате одну ось. Мы оба посмотрели на неё, и Брин спросил у привратницы, который час. Та назвала время по колоколу.

— Поднимайтесь. До обхода ещё успею.

Мира попросила Элиану. Я остался ждать внизу. Через двор мимо окна прокатили тележку с пустыми вёдрами. Служительница, которую мы видели днём, шла следом. У лестницы она остановила тележку, забралась на нижнюю ступеньку и велела двум санитарам убрать скамью из прохода. Один спросил, приехала ли карета. Она ответила, что её задержали у верхних ворот. На дороге обнаружили просевшую опору, и тяжёлые экипажи будут пропускать утром, когда приедет смотритель. Санитар полез в карман, нашёл ключ и отдал ей. Скамью они всё-таки вынесли.

Когда спустились Мира с Элианой, привратница уже собирала с пола дощечки. Брин шёл следом, придерживая на плече лекарскую сумку. Мира остановилась у двери. Брин догнал её и сказал, что если она придёт завтра, искать его лучше после первого обхода. Она поблагодарила и вышла. За ней потянуло уличным холодом.

— Что он сказал? — спросил я, когда мы отошли от дверей.

— Сказал, что видел Ярека перед сменой и что тот был в состоянии разговаривать. Когда Мира спросила, посылал ли он его на пост, Брин попросил повторить при Руте. Я сказала, что она скоро приедет.

— Он слышал про рапорт?

— Мы не показывали. Мира сама спросила, могли ли тогда вызвать охотников. Брин сказал, что не присутствовал при смерти.

Мира шла впереди так быстро, что на перекрёстке пришлось ждать нас.

— Провожу до пекарни, — предложил я.

— Дойду.

Элиана спросила, зайти ли вечером. Мира покачала головой: хозяйка обещала пустить её за кухонный стол, дать пряжу или нож — всё равно что, лишь бы занять руки.

— Не хочу опять рассказывать, — сказала она. — Я потом сама приду.

Мы договорились встретиться утром. Мира пошла к пекарне, а я проводил взглядом её спину и только потом вспомнил, что уже дважды отложил вопрос, с которого хотел начать этот вечер.

— Ты ужинала? — спросил я Элиану.

Она посмотрела на меня с удивлением. Я не знал, чем вызвал его, поэтому спросил ещё раз, другими словами.

— Пойдём поедим вместе?

— Да, — сказала она. — Я услышала уже в первый раз.

Я хотел предложить место, которое знал. Оказалось, я знал только наш постоялый двор с тремя мисками вчерашней каши и общим столом возле конюшни. Элиана предложила пойти вниз по улице, посмотреть, где горят окна. Мы прошли две лавки с заколоченными ставнями и один трактир, откуда уже на крыльце пахло кислой капустой. У последнего окна Элиана остановилась. Сквозь стекло были видны столы и женщина с ребёнком. Женщина макала хлеб в блюдце, а ребёнок следил, какой стороной она его поворачивает.

— Здесь, — сказала Элиана.

Мальчик в длинном фартуке отправил нас к окну. Я заметил более удобные стулья в другом конце, но Элиана уже села и смотрела на улицу. Меню на столе не оказалось.

— Вам похлёбку? — спросил мальчик.

Я посмотрел на Элиану.

— Мне да. А ещё что-нибудь бывает?

— Когда рыба идёт.

— А идёт?

— Пока вода идёт.

Элиана засмеялась. Мальчик улыбнулся вслед за ней и принёс нам две глубокие тарелки. Возле моей поставил горчицу.

— Она крепкая, — предупредил он.

Я положил половину ложки. Элиана посмотрела, как я пытаюсь проглотить, отодвинула кувшин с водой и подала мне хлеб.

— Всегда хочешь знать, насколько крепкая?

— Всегда надеюсь, что преувеличивают.

Она попробовала горчицу с коркой и спросила, чем я занимался дома. Я начал про письмо с нижнего кордона, осёкся — и вспомнил про стул.

— Починил наконец. Тот, на который тебя не пускаю.

— Я думала, он у тебя для бумаг.

— Бумаги он ещё выдерживал.

— Чем стянул, пока сох?

Я рассказал. Оказалось, она как-то обвязала свой стул полотенцем, а утром не смогла развязать узел. Севель пришла с описью, увидела, на что ей предлагают сесть, и потребовала ножницы.

— Сказала, опись переживёт, если я её потеряю, а второй раз шею — вряд ли.

Я попытался представить Севель с ножницами.

— Она смеётся, когда архив не видит?

— И когда видит. Просто ты приходишь с такими письмами, что в это время трудно.

— Какие? — спросил я.

— Разные. У тебя однажды было письмо с голубем.

Я вспомнил, как просил найти владельца старой почтовой станции. Голубь сидел на карнизе и гадил на окно. Нарисовали его на письме для тех, кто не знает, к какой из двух лестниц идти.

— Так я и не понял тогда, чего она смеялась, — сказал я.

— Птица на рисунке стоит прямо и смотрит строго. Севель решила, что это портрет начальника станции.

Элиана показала, как именно смотрела птица. Для этого ей пришлось задрать подбородок и увести глаза вправо, отчего мимо нашего стола почти неслышно прошла женщина, неся на блюде вторую тарелку. Элиана повернулась на стук посуды уже у соседей. Я спросил, сколько таких рисунков сохранилось, и сам не успел заметить, что опять говорю про архив. Она успела.

— Ладно. Покажу одного голубя, — сказала она. — Остальные пусть спокойно живут.

— У меня всё больше лошади. Одну нарисовал всадник, которому надо было показать, где переломан мост. Лошадь отличная, гриву видно, а моста на рисунке три. И на каждом он сам, в шляпе.

— Нашли, по какому нельзя ехать?

— Да. По всем трём. Он три раза падал, пока понял, что пора домой.

Она засмеялась так громко, что мальчик в фартуке высунулся из кухни. Я думал, он спросит, не подать ли воды, а он спросил, не мы ли на прошлой неделе искали утку за трактиром. Элиана сказала, что сегодня никого не ищем. Мальчик остался у косяка и рассказал, что утку нашла его мать. Та возвращалась сама, когда запирали кухню, и колотила клювом по нижней ставне. Мальчик сказал это с той гордостью, с какой в другом доме рассказывали бы о часах, пробивших ровно в полдень. Потом его окликнули, и он убежал.

— У тебя на кухне когда-нибудь кто-нибудь так стучал? — спросила Элиана.

— Торен. Однажды я заснул и запер дверь на крюк. Он решил, что я прячусь от него.

— А ты?

— Я спал. Первый раз за две ночи.

— И что он сделал?

— Зашёл с крыльца. Дверь с крюком была в кладовую. Утром я увидел, что сразу две кружки вымыты, и подумал, будто сам обе испачкал.

Она сказала, что у неё так не получится: вторая чашка стоит на полке слишком высоко, Торен достанет, я вряд ли. Я спросил, зачем держать там нужную вещь. Элиана пожала плечами. Чашку оставили в доме, когда она туда въехала. Она нравилась ей, но всё время казалось, что за ней придут. Пару раз она уже брала её сполоснуть, потом убирала обратно. У чашки была плоская ручка с неровной выемкой, и Элиана показала, как ложится в неё большой палец. Я, как глупый, тут же положил на стол свою руку рядом с её рукой: представил, что у неё дома уже утро и кто-то первый ставит воду.

— Когда придёшь, достанешь, — сказала она. — Если дотянешься.

— Стул подставлю.

— После того, что рассказал о своём?

— Если ты сядешь первой, я буду знать, что выдержит.

Она щёлкнула меня пальцем по костяшке. В первую секунду мне захотелось поймать её руку и удержать, потом она снова взялась за ложку, и я оставил руки на столе. Над стеклом поднимался пар от похлёбки. Повернувшись к улице, я увидел себя и Элиану рядом, как будто кто-то снаружи заглядывал на наше место. Мне понравилось, как мы там сидели. Я не хотел, чтобы вечер уже кончался, и впервые за весь день мне не понадобилось придумывать, чем его продлить.

У соседнего стола ребёнок окунул корку в блюдце и разлил всё на колени. Женщина подняла его, проверила, не горячо ли, и твёрдым голосом попросила половую тряпку. Мальчик принёс сразу две. Мы подвинули стол, чтобы ему было куда встать. Потом сели чуть ближе друг к другу. От стекла тянуло холодом. Элиана положила руку мне на запястье и спросила:

— А когда вернёмся, ты опять спросишь, есть ли у меня вечер, или мне самой выбрать день?

— Выбери. Я ведь уже дважды собирался и дважды не пришёл.

— В четверг, — сказала она. — Снимут описи с проверки, я доберусь домой и не захочу ничего. Даже ужин готовить. Принесёшь хлеб?

— Могу два дня подряд, — сказал я.

Она приподняла бровь.

— Хлеб принести?

— Сесть с тобой.

— Тогда в пятницу вместе купим что-нибудь на ужин.

Я хотел спросить, где встретимся, но она заговорила раньше:

— Помнишь, я сказала у реки, что можно прийти без книги?

Я помнил. С книгой было легче: пока остаётся непрочитанная страница, есть и причина задержаться. Я сказал ей об этом.

— Мне хотелось знать, придёшь ли ты, если ничего от тебя не понадобится.

— Я пришёл с яблоками.

— Одно было целое. Лежит у меня наверху, на шкафу. Я берегу его, хотя до воскресенья оно вряд ли долежит. Мне будет неприятно, если его выбросит кто-нибудь другой.

Я едва не пообещал купить ещё яблок. Самое простое обещание, какое только можно было дать в эту минуту, и совершенно не о том.

— Когда я сижу у тебя, — сказал я, — иногда жду, что меня сейчас позовут. Даже когда никто не знает, куда я пришёл. В прошлый раз от тебя дошёл до третьего угла, там мне сказали, что Рута отправила человека искать меня в другом конце города. Я пошёл к нему, хотя мог узнать всё утром. Потом дома долго не мог вспомнить, сказал ли тебе, что хорошо провёл вечер.

— Сказал, что уже поздно.

Я кивнул. Времени у нас тогда и вправду осталось мало. Мне казалось, достаточно встать и извиниться за него, и человек догадается обо всём, что я хотел сказать, пока сидел.

— Если опять принесут письмо, могу посмотреть утром. Если надо будет уйти, скажу зачем.

— А если я тоже захочу пойти? С тобой, — сказала она. — В Белом Пороге ты собирался за Ареном один. Потом я сама ушла на пристань, и ты узнал, когда спорить было поздно.

— Почему тогда меня не позвала?

— Боялась услышать, что лучше остаться. С тем, кто этого ещё не сказал, мне казалось легче спорить.

— И если я попрошу остаться, ты всё равно пойдёшь?

— Не знаю. Ты сначала скажи. Только не решай, что я стану спорить, ещё до того, как откроешь рот.

В соседней комнате уронили поднос. Мы оба повернули головы, а потом рассмеялись — коротко, почти сердито. Даже здесь не удавалось дослушать друг друга.

— Мне ведь тоже иногда хочется тебя запереть дома. Особенно когда ты говоришь: «Я ненадолго».

— Обычно я так и собираюсь.

— Знаю. От этого не легче.

— Я не умею спокойно ждать, когда ты идёшь туда, — сказал я.

— Я тоже не умею. Но ты ходишь.

Мне нечего было ответить. Я протянул руку; Элиана сперва посмотрела на неё, потом вложила свою. Мы так и посидели, не решив, кто в следующий раз останется ждать. Когда мальчик забрал тарелки, я пообещал принести утром хлеб. Она велела выбрать самую тёмную корку.

В зале дремал последний посетитель. Мальчик начал закрывать ставни и нарочито долго возился с той, что возле нас, пока Элиана не сказала, что мы уже уходим.

***

На улице подморозило. Мы пошли к дому, где ей отвели комнату. Под аркой между лавками вода застыла на камнях, и пришлось идти в ряд, придерживаясь стены. Я прошёл первый и протянул ей руку. Элиана поставила трость на сухое место, взялась за мои пальцы и перешла. Дальше можно было идти рядом. Руки мы не разняли.

У её крыльца горел фонарь. Свет падал внутрь, на замок, и мне пришлось стать сбоку, чтобы Элиана видела, куда вставлять ключ. Она вынула его и несколько секунд держала на раскрытой ладони.

— Можно тебя поцеловать? — спросил я.

— Можно. Ты теперь сделал полшага назад. Иди сюда.

Я вернулся. Край её пальто был холодный и мокрый. Она взяла меня за воротник, чтобы я наклонился, и мы поцеловались. В этот раз я успел заметить, с какой стороны она повернула голову, и ничего не испортил. Потом плоская ступенька скрипнула, Элиана чуть покачнулась, и я придержал её за локоть. Она выпрямилась и сама снова придвинулась ко мне. В доме наверху кто-то ходил из комнаты в комнату. Я забыл про него, как только услышал, что она смеётся.

— Завтра рано, — сказала она наконец, совсем близко. — Хочу поспать.

— Хорошо.

Я взялся за перила. Она спросила, есть ли у меня на завтрак что-нибудь, кроме яблока. Я обещал добыть хлеб до встречи. Элиана открыла дверь, вошла и подержала её, пока я не сошёл на улицу.

Торен ждал меня у конюшни. В одной руке у него был недоуздок, в другой свеча, которую он прикрывал полой пальто. Увидев меня, он поставил свечу на тумбу под навесом.

Рада вывела из конюшни старую кобылу. Торен распахнул ворота.

— Из лечебницы вернули, — сказала конюшенная. — В бумаге здоровая, а копыта посмотрите. До кузнеца ни шагу. Хоть сам смотритель проси.

— Им сколько осталось? — спросил Торен.

— Две пары. Одна утром за водой пойдёт. Карету задержали, так воду с бельём всё равно возить будут. На оба рейса один человек с распиской управится.

Я попытался представить, как выглядела карета по бумаге, которую отнесли сторожу. Город знал, сколько лошадей предполагает выпускать, а что лежит внутри, может узнать только при осмотре. Я спросил у Рады, нельзя ли посмотреть, какой воз назначили в лечебницу до объявления об остановке. Она поставила кобылу к стене и принесла из конюшни дощечку. Бумагу к ней притянули бечёвкой. Напротив графы о карете стояло два направления: к лечебнице и к дальней заставе. Напротив бельевого воза указали только мельницы. Оттуда он мог повернуть к городу, к складам или за реку. Рада сказала, что направление до конца записывает смотритель, если воз приходится снова пропустить через настил.

— Почему там вообще два разрешения?

— Одно на карету. Другое на груз. Если та повезёт больного, скажут, какой врач отдал ремни. Если только носилки, возьмут опись. С бельём такого нет. На бельевой воз с прошлого лета одну и ту же бумагу показывают.

Рада ушла за попоной, велев не выпускать кобылу. Я всё ещё смотрел на разрешения. Мы собирались ждать карету, а больного могли увезти тем же путём с бельём. Торен поднял свечу поближе к дощечке.

— Рада говорит, экипажи снизу пойдут с рассветом, если смотритель подпишет. Вашу карету будут запрягать здесь. Коней сегодня перевели с больничного двора.

— Это та, в которую носилки входят целиком? — спросил я, вспомнив, как санитары выносили скамью.

Торен повернул голову.

— С носилками. Две у них в городе. Одна у нижних ворот, вторую отдали лечебнице.

Я рассказал ему, кто такой Данек и что о нём сказала служительница. Торен положил недоуздок на крюк и спросил, видели ли мы сами, что Данека собираются везти. Я сказал, что слышал только про карету и верхнюю палату. Этого хватало, чтобы утром прийти до неё. Торен взял свечу и повёл меня к воротам, где дорогу пересекала мелкая вода. Показал место, где встанет смотритель, если явится вовремя. Я уже начал было считать, сколько у нас останется

минут от первого колокола, и вдруг вспомнил, что ещё не знаю, у какого пекаря к утру бывает хлеб с тёмной коркой.

— Тут пекарня утром откроется? — спросил я.

Торен посмотрел туда, куда я кивнул.

— Возле лечебницы раньше, — ответил он. — Туда идут те, кто ждёт открытия.

Глава 6
Погоня за повозкой

Матвей

Хлеб я купил до первого колокола и половину съел по дороге. Пекарь вынес буханку из печи, отрезал самую тёмную корку и велел не прятать под пальто — мякиш слипнется. Я нёс её в платке перед собой, обжигая ладонь, и старался не отломить ещё кусок.

У Элианы на крыльце горела лампа. Она вышла навстречу с пустой сумкой. Я отдал ей хлеб, и пока она устраивала его внутри, от ворот лечебницы донёсся звук, будто подняли засов и уронили его на камень.

— Уже пустили? — спросила Элиана.

Мы вышли на улицу. Внизу, у двери, из которой накануне выносили скамью, стояла карета. В борту два окна, оба закрыты ставнями. На крыше поперёк лежали свёрнутые ремни. За заднее колесо придерживался санитар. Возчик повернул голову к воротам. Ему подали знак, и он тронул лошадей, не дожидаясь, пока санитар отступит. Тот спрыгнул с подножки, поскользнулся и упёрся ладонью в мостовую.

Элиана подала ему руку. Санитар встал сам, но руку подержал, пока не убедился, что стоит на обеих ногах.

— Кто в карете? — спросила она.

— Я думал, вы знаете. Его ночью собрали.

— Данека?

— Мне сказали, того, что из верхней палаты. Данека. Я положил подушку и пошёл за ремнями. Когда вернулся, уже закрывали.

Я посмотрел на карету. Она миновала конец улицы, где у лотка ещё лежали вчерашние яблоневые ветки. На повороте её качнуло, но она сразу выпрямилась. В нижней части борта мелькнул знак лечебного дома. Такой же был на извещении у Миры.

— Куда повезли?

— У шлагбаума догнать, — сказал санитар. — Мне так велели. Пустые носилки обратно принести. А сменщик-то не пришёл.

— Лицо больного видели? — спросила Элиана.

— Нет, говорю же! Я за ремнями ходил.

Из дверей крикнули, чтобы он подмёл у входа. Он оглянулся на нас, выругался вполголоса и пошёл за метлой.

Мимо нас прошёл первый воз, который пустили после проверки настила. На ободе переднего колеса мокрая глина липла короткими гребнями. Под дугой качался зелёный жестяной знак. Я отметил, что на карете видел такой же, хотя краска казалась светлее.

Элиана посмотрела в сторону верхней палаты.

— Я узнаю, действительно ли освободилась его койка. Потом пойду к шлагбауму.

— Хлеб возьми.

Элиана хлопнула по сумке: хлеб был у неё. Я уже поворачивал к конюшне, когда она окликнула:

— За развилкой куда?

— Узнаю. Торен там.

— Через Раду передай, если наверх поедете. Не забудь!

У конюшни лошадь Торена уже стояла осёдланная. Он подтягивал подпругу и спорил с худым охотником, который держал своё седло обеими руками. Охотник закончил фразу сло-

вами «если понадобится», и Торен ответил, что если понадобится, ему подберут место, где можно работать одной рукой. Потом повернулся ко мне.

— Сколько у них форы?

— До шлагбаума минут пять. Если держат ворота открытыми, меньше.

— Видел, кого увозят?

— Санитару сказали, что Данека. Сам он лица не видел.

Торен отнял у раненого охотника седло и положил на ограду.

— Раде скажешь: едем за каретой. Ты, — он указал второму, — к лечебнице. Жди Руту, никуда без неё.

— Ты можешь ехать? — спросил он меня.

— Если серая и вправду смирная.

— Смирная. Она вчера дважды меня обогнала.

Серая оказалась длинноногой кобылой, которая терпела, пока я искал стремя, а потом пошла так, будто свою часть соглашения уже выполнила. По улице ехать вскачь было невозможно. Торен держался середины, заранее подавал голос людям у дверей и не ускорялся, пока они совсем не сходили с дороги. На выходе мы встретили пустой воз с двумя свисающими оглоблями. Возчик увидел Торена и показал кнутом на мост.

— Только прошли. Смотритель задержал, велел ступать по одному.

Мы миновали шлагбаум как раз тогда, когда смотритель, наклонившись над камнем, отмывал грязь со шкалы на опоре. Я крикнул, что ищем карету с зелёным знаком. Он ответил, что пропустил её на широкий тракт. Торен услышал. За мостом он всё равно остановил коня и сам посмотрел вниз, где дорога расходилась.

Три дня назад нижняя обочина ещё была подмерзшей. Теперь один след от колеса уходил через ветки прямо к канаве. Мне показалось, что карета свернула туда. Торен показал на вторую колею, где жидкая глина уже перестала стекать.

— Это лёгкий воз за водой. Карета прошла правее. Смотри, до чего ветку в землю вдавили.

Теперь я заметил ветку, вдавленную в обе колеи. Торен велел держаться за ним. Серая решила иначе: попыталась обогнать его коня, и мне пришлось собрать повод, уговаривая её так тихо, словно она могла обидеться и оставить меня посреди дороги.

Карета показалась у пустой сторожки. Возчик обернулся, увидел нас и хлестнул лошадей. Между ставнями запрыгала белая тряпка — я принял её за знак изнутри и пришпорил серую, но ветер тут же перебросил тряпку на крышу. Обрывок покрышки. Ничего больше.

За сторожкой дорога расходилась. Слева можно было срезать вдоль воды.

— Туда! — крикнул я.

— Ступени у парома! За мной!

Торен уже шёл в подъём. Серая рванулась следом, и мне пришлось пригнуться к гриве, чтобы не вылететь из седла. Под копытами захрустело; с края дороги сорвался пласт глины и исчез внизу. Я видел место, где он только что лежал, — слишком близко к левой ноге. Торен прижал коня к склону. Я потянул серую вправо, она вскинула голову, задела боком ветки и наконец выбралась на твёрдое. Только здесь грохот кареты снова стал слышен сквозь стук крови в ушах.

Впереди поперёк тракта выгружали жерди. Один конец длинного ствола уже лежал на земле, другой рабочие всё ещё стаскивали с воза. Карета прошла между ними и обочиной. Возчик крикнул что-то сердитое, лошадей не остановил. Рабочие шарахнулись от колеса и выпустили жердь. Она покатилась прямо под ноги Торенова коня.

Он успел осадить. Я увидел, как задние ноги коня скользнули в грязи, и потянул свой повод обеими руками. Серая остановилась, но мне показалось, что она ещё идёт; я подался назад слишком сильно и больно ударился о заднюю луку седла.

— Справа! — Торен показывал между возом и каменной стенкой.

Там оставалось место для человека. Для лошади, как мне казалось, нет. Рабочий поднял жердь за тонкий конец, пытаясь освободить дорогу, и развернулся как раз к нам. Серая попятилась. Я хотел удержать её, но Торен уже велел отпустить повод немного вперёд.

— Не тяни ей голову. Дай смотреть.

Я сделал, как он сказал. Кобыла повернула ухо, шагнула боком и сама нашла твёрдое место у стены. Колено пришлось прижать к седлу: камень прошёл так близко, что соскоблил грязь с края пальто. С другой стороны рабочий держал конец жерди на плече и не двигался, пока мы не миновали его.

— Людей передавите! — крикнул он нам вслед.

Я хотел ответить, что в карете больной. Не ответил. Мы ещё не знали этого, а проскочить пытались так, будто он обязан был знать за нас. Торен оглянулся проверить, вышел ли я, и только потом снова пустил коня быстрее.

Карета уходила от нас. Ещё немного — и возчик доберётся до моста, где можно будет затеряться среди ожидающих повозок. Я всё искал между ставнями хоть движение, которое позволило бы крикнуть человеку внутри, что мы здесь. Видел только тёмную щель. Она казалась мне подтверждением того, что больного спрятали; мысль о пустой карете даже теперь не приходила.

— Стой у сторожки! — крикнул Торен.

Возчик поднял кулак. За каретой я увидел поперечную доску: у второго моста закрывали проезд. Он тянул поводья вправо, под навес, но заднее колесо угодило в яму. Борт пошёл на нас. Я успел представить, как человек внутри ударяется головой о стенку, и крикнул — поздно, бессмысленно.

Карета качнулась обратно. Лошадь сделала ещё шаг и прижала дверцу к столбу.

Я спрыгнул, рванул ручку. Дерево глухо стукнуло о дерево.

— Отойди от колеса! — рявкнул Торен.

Я отступил. Он обошёл карету, держа руки на виду.

— Кто внутри?

— Носилки!

— С больным?

— Пустые, чтоб вас! Пустые!

Подошёл дежурный моста. Он узнал Торена, но первым делом велел отвести лошадей, пока карета не села на ось. Возчик огрызнулся и полез на козлы. Со второй попытки колесо вышло из ямы; дежурный открыл дверцу.

Две скамьи, ремни на крючке, носилки с подушкой. Я просунулся внутрь почти по пояс, хотя прятаться там было негде. Под сиденьем лежала опись. Обратный срок — до полудня, с отметкой у шлагбаума.

— Зачем спешили? — спросил я.

— Вы мне мост откроете, если закроют? — Возчик ткнул мне под нос свой листок. В нём стоял другой срок: доставить носилки до закрытия, взять расписку и вернуться. Без неё платили лишь за один конец.

— Там няня ждёт, сын у неё ногу сломал. Я ей что скажу — господам охота была погоняться?

Дежурный обещал подтвердить час прибытия. Торен помог подложить доску под колесо, а я всё ещё стоял у пустой дверцы. Мы видели карету почти всю дорогу; никто не мог незаметно выйти. Данека в ней не было с самого начала.

Дежурный спросил, что мы теперь намерены делать с носилками. Я не понял вопроса.

— Отпускать его можно? Там за брусом уже спорят. Думают, мост открыли, раз он прошёл.

Возчик стоял рядом и ждал. Я ещё не успел расстаться с мыслью, что он должен нам что-нибудь объяснить, и это раздражало его сильнее остановки.

— Вы видели, как носилки грузили? — спросил я.

— Ставил сам.

— Кто сказал, что везёте только их?

— В листке написано.

— До того, как санитар принёс ремни?

Он выругался уже громко.

— Мне по солнцу теперь вам всё раскладывать? Запряг, поставил, поехал. У вас больной потерялся — вы в палате ищите.

Торен коснулся моего плеча, заставляя отступить от дверцы.

— Дай человеку выехать.

— Нужно хотя бы знать, кто выдал…

— Ты уже знаешь, где спросить. Здесь ещё один человек не может дождаться этих носилок.

Дежурный позвал помощника отвести лошадей. Я вышел из проезда, сгорая от злости на себя и всё ещё сердясь на возчика. Тот забрал свою бумагу, проверил поставленный час и начал поправлять подушку. Она упала, когда карету накренило. Подушка, за которой санитар уходил из комнаты Данека, оказалась всего лишь вещью, которую можно было взять для другого больного. Я успел построить вокруг неё целую поездку.

От сторожки подошёл мальчишка. Сказал дежурному, что видел нашего раненого: в белом, лежал между скамьями. Я обернулся слишком быстро.

— Когда?

— Сейчас. Как вы дверцу открыли.

Дежурный велел ему не выдумывать. Мальчик покраснел и показал на свёрнутый холст у подушки.

— Я думал, это он.

Торен не дал мне расспрашивать дальше. Объяснил мальчику, что человека там не было, и отправил помочь у жердей. Я смотрел на белый свёрток, пока возчик снова не закрыл дверцу. Так могло появиться ещё одно свидетельство: все вокруг искали больного, значит, тот, кто видел холст, видел больного тоже. Если бы мы пришли позже, я, вероятно, записал бы рассказ и стал искать, где Данек успел выйти.

Карету наконец пропустили к дому за мостом. Возчик не оглянулся.

— Другие возы от лечебницы прошли? — спросил Торен.

Дежурный помнил торговцев и лодочника с мешками муки. Хозяйственные повозки следовало искать у первого шлагбаума: лёгкие пускали по старым разрешениям ещё до открытия настила для карет.

— Запишите, что мы осмотрели карету, — попросил я. — Здесь, при вас. Носилки были пустые.

Дежурный занёс в книгу время, своё имя и наши. Торен уже держал коней. Только взявшись за повод, я заметил, как дрожат пальцы.

— В следующий раз сперва посмотри под колесо, — сказал он.

Я кивнул.

Мы поехали обратно шагом.

На развилке Торен остановился и попросил меня ещё раз показать, где санитар сказал ждать носилки. Я назвал первый шлагбаум. Торен посмотрел на дорогу. Если носилки должны были ехать только до первого шлагбаума, возчику незачем было торопиться ко второму мосту. Я вспомнил слова санитара совсем точно. Не «отнесите носилки», а «потом принесёте пустые».

Могло показаться, что от него ждали больного. Могло быть и проще: при нём из комнаты уже кто-то вышел, а потом закрыли дверь кареты.

— Он действительно слышал имя Данека? — спросил Торен.

— Сказал, что слышал. А лицо не видел. Элиана спросила при мне.

— Когда я стоял у конюшни, оттуда вышел мальчик с теми же ремнями. Сказал, у лечебницы их до полудня не примут. Больше я не спросил, потому что у меня был один человек на смену и того нельзя было послать вниз с раненой рукой.

— Нас отвлекли? — спросил я.

— Может быть. А может, санитар перепутал. Носилки настоящие, поездка оплачена. Кто-то ими воспользовался — ещё не значит, что возчик с ним заодно.

Торен повернул к мосту.

— Узнаем, кто назвал Данека. И когда.

Я отстал на несколько шагов. Серая всё ещё пыталась наверстать, хотя пошла меньше часа назад. У поворота она подёрнула уздой и уставилась на высокий сухой камень. Там виднелись свежие следы: кто-то поставил на камень и потом убрал два ведра. Я смотрел на них и пытался понять, сколько времени простоял здесь человек с вёдрами. Выехали мы вслед за самым большим экипажем, потому что большому экипажу пришлось ждать у ворот и поэтому его провожали глазами. Если лёгкий воз проехал раньше, он стоял только там, где возчику самому что-то понадобилось. Я попросил Торена держать к первому шлагбауму. На этот раз нам некуда было спешить, кроме места, где кто-то мог остановиться по своей воле.

***

У первого шлагбаума Элиана спорила со смотрителем над открытой книгой. Рада ждала верхом, Мира стояла по другую сторону ворот. Увидев нас без кареты, она пошла было навстречу и остановилась. Я не знал, куда деть глаза.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.